

Дом с облаками

Анастасия Степанова

18+

Анастасия Степанова

Дом с облаками

<https://litres.ru/74256369>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я вернулась в родной город не с дипломом хирурга, а с чемоданом книг и ощущением, что жизнь дала задний ход. Отец — в психиатрической клинике. Квартира разворована. Будущего нет.

Единственный шанс — место в столичной больнице, которое обещает устроить старый друг. Условие одно: помочь человеку, который медленно убивает себя алкоголем.

Этим человеком оказывается Питер. Моя первая любовь. Мой первый предатель. Наследник строительной империи, который сидит на полу элитной квартиры среди пустых бутылок и смотрит на меня мутным, чужим взглядом.

— Врач, — усмехается он. — Отлично. Можешь выписать мне что-нибудь, чтобы не тошнило по утрам?

Я должна его спасти. Не из жалости — из отчаяния. Потому что у меня контракт. Шанс. Но я ещё не знаю, что его родители объявят о нашей помолвке, не спрашивая нас. Что он спросит: «Я хочу тебя поцеловать. Можно?» — и этот вопрос изменит всё. Что мы оба рухнем на самое дно, прежде чем научимся держаться друг за друга.

Содержание

Сделка.	4
Спасательный круг.	10
Право отчаяния.	16
Откровенный разговор.	20
Больница.	26
Зарядка и психолог.	33
Разбитое зеркало.	42
Ритуал.	52
Срыв.	59
Стыд.	68
Чтобы не быть достойным.	77
Новости.	84
Собеседование.	90
Тыловая база.	98
Чтобы быть привлекательным.	109
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Дом с облаками

Сделка.

Ключ застрял в скрипящем замке с пятого раза. Я толкнула дверь плечом, и она, с трудом преодолевая гору хлама перед собой, открылась.

Мой дом. Вернее, то, что от него осталось.

В воздухе висела тяжёлая, сладковато-горькая пыль запустения, смешанная с запахом плесени и чего-то протухшего. В гостиной, где когда-то стояла бабушкина софа и папин мольберт, зияла дыра на месте телевизора. По полу, линолеум, который был испещрён тёмными пятнами, тянулись следы от волочившейся мебели. «Присмотрите», — сказала я тогда, уезжая на первый курс. Дядя Коля и тётя Люда, папины друзья. Они присмотрели. Спились и разворовали до нитки.

Из института я вернулась не с дипломом хирурга, а с чемоданом книг и ощущением, что жизнь дала задний ход. Папа, мой чудаковатый, помешанный на облаках художник, теперь рисовал их на бумажках в шестом отделении областной психушки. А я стояла посреди руин своего прошлого, без работы, без дома, без ориентиров.

— Лена! Боже, правда ты?

На улице, у подъезда, ко мне подлетел Алекс, мой быв-

ший одноклассник, теперь упитанный и розовощёкий, с дорогими часами на запястье. За ним, улыбаясь, шла Анна, наша общая подруга. Они выглядели как глянцевая открытка «Идеальная семья», случайно занесённая в этот увядающий город.

После чая в их уютной, пахнущей корицей и благополучием квартире, Алекс перешёл к делу.

— Лен, ты же медик. Отличный медик, я знаю. Помоги одному человеку. Он... спивается. Медленно, но верно.

— Алекс, я не нарколог, — устало ответила я. — Я даже работать-то толком не устроилась.

— Я помогу с работой! — он оживился. — У меня связи в «Горздраве» мегаполиса. Хирург как ты там нужна, как воздух. Контракт, хорошая зарплата, общежитие. Всё. Но помоги ему. Он не просто друг. Он... как брат.

В его глазах была неподдельная тревога. И жалость. А я в тот момент была слишком опустошена, чтобы отказываться от любой соломинки и любой цели. Жалость — отвратительное, но сильное чувство.

Квартира Питера находилась в новом элитном доме, том самом, который, как я помнила, строила компания «Строй-Вектор». Его компания. Дверь открыл Алекс своим ключом.

Запах ударил в нос первым: перегара, затхлого пива, несвежего белья и старой еды. В просторной светлой гостиной царил апокалипсис. Пустые и полупустые бутылки, как

мёртвые солдаты, выстраивались вдоль стены. На дорогом кожаном диване горой лежала грязная одежда, на стеклянном столе — окурки в пепельницах и тарелках с засохшими остатками пиццы. Обои на одной из стен были испещрены какими-то непонятными расчётами и кривыми рисунками маркером.

И он сидел посреди всего этого. Сидел на полу, прислонившись к дивану, в мятых дорогах трениках и футболке, и смотрел в окно пустым, ничего не отражающим взглядом. Его светлые волосы были сальными и спутанными, щетина почти переросла в бороду. Но черты лица, этот упрямый подбородок и разрез глаз... сердце сжалось болезненным, забытым спазмом.

Питер. Мой Питер. Первая любовь, первая боль, первый предатель. Тот, кто уехал в столицу после школы, не оглянувшись, и чьи редкие письма становились всё холоднее, пока не иссякли совсем.

— Пит, смотри, кого я привёл, — бодро, но с ноткой напряжения сказал Алекс.

Питер медленно, как будто с большим трудом, перевёл на нас взгляд. Он скользнул по Анне, по Алексу, и остановился на мне. В его мутных голубых глазах что-то дрогнуло. Сознание, будто сквозь густой туман, попыталось выплыть на поверхность.

— Лена? — его голос был хриплым, неиспользуемым инструментом. — Врач... Ты же хотела быть врачом.

— Стала, — коротко ответила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Я оглядела его с чисто профессиональной оценкой: тремор пальцев, одутловатость лица, слабость в мышцах. Это было уже далеко не начало.

— Врач, — он усмехнулся, и это было жалкое, горькое подобие улыбки. — Отлично. Можешь выписать мне что-нибудь... чтобы не так тошнило по утрам?

— Я не для этого здесь.

— А для чего? — он с вызовом посмотрел на Алекса. — Спасать душу? Утеряно. Искать смысл? Не найдётся. Родители за границей, заводы, пароходы. Брат... — он замолчал, и по его лицу пробежала тень настоящей, острой боли. — Брат героически тянет всё на себе, больной, святой человек. А я вот так. Потому что могу.

В его словах не было злобы. Была усталая, всепоглощающая жалость к самому себе. Та самая, что разъедает душу быстрее, чем спирт — печень.

— Алекс говорит, тебе нужна помощь, — начала я, делая шаг вперед и наступая на хрустящую обёртку. — Медицинская. Ты отравляешь свой организм. Системно.

— Мой организм, мои проблемы, — отрезал он, потянувшись к полупустой бутылке пива на столике.

Анна не выдержала:

— Пит, прекрати! Опомнись! Ты же умрёшь!

— А кому это интересно? — он приложился к горлышку,

и его взгляд поверх бутылки снова устремился на меня. В нём читался немой, истерзанный вопрос. И вызов.

Я чувствовала, как во мне сражаются два человека. Одна — девушка, которую когда-то бросили, и чьё сердце до сих пор ноет от этой детской обиды. Другая — хирург, который видит перед собой пациента. Сложного, сопротивляющегося, но пациента. И третья — совершенно новая, загнанная в угол женщина, которой этот несчастный пьяный наследник строит мост в новую жизнь.

— Интересно мне, — сказала я тихо, но так, что все замолчали. — Потому что Алекс пообещал мне место в клинике в обмен на тебя. Так что теперь ты — мой проект. Мой долгосрочный, сложный и крайне неприятный проект.

Питер опустил бутылку, поражённый.

— Ты... что, серьёзно? Ты будешь меня «лечить»?

— Нет, — я покачала головой. — Я буду пытаться заставить тебя не умереть. А лечиться ты будешь сам, когда (и если) захочешь. Первый этап — уборка. Алекс, — я повернулась к другу, — у тебя есть деньги. Нанять клининг сюда, прямо сейчас. Выбросить весь этот хлам. Анна, поможешь со списком продуктов. А ты, — я снова посмотрела на Питера, — идёшь в душ. Пока тут будут убираться.

Он смотрел на меня, и в его мутных глазах наконец-то появилась искра. Не надежды. Пока ещё только живого, человеческого возмущения.

— Ты не имеешь права...

— Имею, — перебила я его. — Ты — моя работа. А я на своей работе привыкла наводить порядок в самых безнадёжных случаях. Поднимайся. Или тебе помочь?

Я сделала ещё шаг, приняв вид, каким говорю с непослушными пациентами после операции. И случилось чудо. Он, крихтя, оторвался от дивана и поднялся на ноги. Шатко, но сам.

Пока он, ругаясь, брел в сторону ванной, а Алекс суетился с телефоном, я подошла к окну. Внизу расстился наш сонный городок. Где-то там были руины моей старой жизни. А здесь, в этой вонючей, богатой квартире, среди руин чужой, начиналась новая, странная и невыносимая.

Я спасала свою первую любовь? Нет. Я только что заключила сделку с дьяволом в лице своего прошлого. И дьявол этот пах перегаром и отчаянием. Но у меня не было другого выхода. Как, впрочем, и у него.

Спасательный круг.

Питер кряхтя и злясь на неожиданных гостей заполз в ванную и сначала с грохотом повыкидывал в коридор пустые бутылки, которые оккупировали её со всех сторон. Полежать бы в ванной, но она была отвратительная, грязная, поэтому мужчина ограничился душевой кабиной, она хоть была немного почище. В углу сиротливо лежал кусок мыла, о каком шампуне можно говорить, когда и прихорашиваться то не для кого?

Питер полностью намылился, стащил со светлых волос резинку, те рассыпались жирными змеями закрыв плечи. Пришлось долго с остервенением их отмывать. Щетина, превратившаяся со временем в неаккуратное белое длинное чудовище, тоже было вымыто. Мужчина даже не взглянул в зеркало, одевать грязную испачканную в рвоте и бог знает чём ещё одежду, на голое чистое тело показалось кошунством, прекрыв бёдра полотенцем он вышел из ванной. На пороге встретил Алекс с охапкой чистых вещей, непонятно откуда взявшихся.

— Одевайся, в клининге сказали, что нужно покинуть место преступления на несколько часов, а мы пока пообедаем! Погодка хорошая, ты давно выходил на улицу?

Питер фыркнул, но подчинился, Алекс единственный кто не бросил, кто исправно забирает с обезьянников после пья-

ного дебоша и ездит в фирму как доверенное лицо. Он молча принял одежду из рук Алекса — простые хлопковые штаны и серую толстовку, мягкие, пахнущие свежестью. Питер отвернулся, натягивая их на влажное тело, чувствуя, как чистая ткань, непривычно щекотная, касается кожи. Это было одновременно стыдно и невыразимо приятно.

— Спасибо, — пробормотал он, не глядя на друга.

— Не за что, — легко отозвался Алекс. — Это всё Анна, она у меня предусматривает всё. Говорит: «Купи ему что-нибудь простое, удобное. Он в своё барахло сейчас не полезет».

Питер фыркнул снова, но уже беззлобно. Анна всегда была умницей. Как и... Он бросил взгляд в сторону гостиной, где Лена, скрестив руки на груди, давала указания двум приехавшим женщинам в ярко-желтых униформах. Её голос был чётким, спокойным, без тени сомнения. Совсем не таким, каким он его помнил. Не девичьим, звонким, а... хирургическим. Решающим.

Он потупился, чувствуя новый приступ жгучего стыда. Она видела его вот таким. В самом дне.

— Идём, — похлопал его по плечу Алекс, будто читая его мысли. — Подышим воздухом. А то тут скоро будет армейская баня с хлоркой.

На улице весенний воздух ударил в лицо холодной, чистой ладонью. Питер закашлялся. Он действительно не помнил, когда последний раз просто выходил погулять. Не в магазин

за бутылкой, не чтобы сесть в такси, а просто так. Солнце светило ярко, окрашивая скучные панельные дома в золотистые тона. Было красиво. Он этого не замечал годами.

Они шли в сторону маленького парка, Алекс болтал о чём-то своём — о работе, о планах с Анной на лето. Питер слушал вполуха, ловя краем глаза профиль Лены, которая шла чуть позади с Анной, тихо разговаривая. Её волосы, тоже светлые, но такие ухоженные, гладкие, лежали на плечах. В её движениях была усталая уверенность, которая его и притягивала, и злила.

В кафе у озера Алекс заказал на всех. Суп, что-то лёгкое. Когда перед Питером поставили тарелку с куриным бульоном и сухариками, его желудок сжался от протеста. Он годами не ел нормальной еды. Закуска — вот что было его основной пищей.

— Ешь, — сказала Лена, садясь напротив. Не прося, не уговаривая. Констатируя факт. — Организму нужны силы. Хотя бы чтобы вывести ту гадость, которую ты в него влил.

Он хотел огрызнуться, но под её спокойным, изучающим взглядом слова застряли в горле. Он взял ложку. Рука дрожала. Чёрт возьми, она дрожала! Он сжал пальцы сильнее, заставил себя поднести ложку ко рту. Тёплый, солёный бульон обжёг губы, полился внутрь... и мир не рухнул. Наоборот, тело, казалось, вздохнуло с облегчением.

— Почему ты согласилась? — вырвалось у него наконец,

когда первая ложка была проглочена. Он не смотрел на неё, уставившись в золотистую поверхность супа. — Алекс пообещал путёвку в жизнь? Так возьми её и свали. Ты же видишь, кто я. Безднадёжный случай.

Он ждал жалости, гневной тирады, напоминания о прошлом. Но Лена лишь отпила из своего стакана воды.

— Я сегодня видела свою старую квартиру, — сказала она совершенно ровно. — Там тоже безнадёжный случай. Всё разворовали, стены ободраны. Папа мой в психушке. У меня, по сути, тоже ничего не осталось. — Она посмотрела на него прямо. — Так что, возможно, мы с тобой в одной лодке, Питер. Только ты свою топишь бутылкой, а я... пока ищу, за что зацепиться. Алекс дал мне такой крюк. Ты. Неприятно, да? Быть чьим-то спасательным кругом, в который не веришь.

Он замер, ложка застыла на полпути. Он думал, она пришла с позиции силы, с высоты своего медицинского диплома и морального превосходства. А она пришла с руин. Как и он.

— Я не спасательный круг, — хрипло сказал он. — Я дыра в этой лодке.

— Значит, будем латать, — пожала плечами Анна, положив руку на руку Алекса. — Вместе.

— Брат... — вдруг сорвалось у Питера. Он не планировал говорить об этом. Слова вырывались сами. — Он всё тянет. Диагноз... это серьёзно. А я... я даже помочь не могу. Только создаю проблемы. Легче быть проблемой, чем бесполезным грузом. Легче, когда от тебя ничего не ждут.

Впервые за этот день в его голосе прозвучала не самобичевательная жалость, а голая, искренняя боль. Боль, которую он годами глушил, но которая никуда не делась.

Лена не стала говорить пустых утешений. Она просто спросила:

— А если бы он не справлялся? Если бы ему реально нужна была твоя помощь, не в бизнесе, а просто... физически? Ты бы нашёл силы?

Питер закрыл глаза. Представил брата не могучим и непоколебимым, а слабым, нуждающимся. И в груди что-то ёкнуло — не паника, а знакомый, давно забытый импульс: надо быть рядом.

— Не знаю, — честно выдохнул он. — Но наверное... попытался бы.

— Вот и начни с этого, — сказала Лена. — С попытки. Не для него пока. Для себя. Чтобы проверить — осталось ли что-то, что может не только пить и жалеть себя.

Они доели почти молча. Когда они возвращались, в квартире пахло уже не затхлостью, а цитрусовой химией и свежестью. Горы мусора исчезли, полы блестели, окна были открыты настежь, впуская прохладный вечерний воздух. С его рабочего стола, заваленного когда-то бумагами и бутылками, теперь аккуратно смотрел экран компьютера.

Питер остановился на пороге, глядя на это преображение. Это было страшно. Теперь его бардак, его уродливое, но привычное убежище исчезло. Осталась голая, чистая клетка. И

ему предстояло решить, чем её наполнить.

Алекс и Анна, сославшись на дела, ушли, пообещав заглянуть завтра. Остались они вдвоём с Леной в непривычной тишине опрятного пространства.

— Что теперь? — спросил он глухо.

— Теперь — режим, — она достала из сумки блокнот. — Я составлю план детоксикации. Без фанатизма, но строго. Питание, сон, прогулки. И главное — ни грамма алкоголя. Я буду заходить. Каждый день.

— Ты что, моя сиделка теперь? — в голосе вновь зазвучал вызов.

— Нет, — она посмотрела на него, и в её глазах он снова увидел ту самую девочку, но только на миг. — Я твой контракт, Питер. Твоя расплата за моё будущее. Так что давай не будем друг друга подводить.

Она ушла, оставив его в чистой, беззвучной квартире, с блокнотом в руках и с хаосом в голове, который уже нельзя было залить виски. Хаос из стыда, злости и первого, робкого, едва уловимого ощущения, что, возможно, дно — это не конец. Это просто твердая поверхность, от которой можно оттолкнуться.

Право отчаяния.

На следующий день, Лена вернулась в квартиру, она ожидала увидеть изменения, но в ней снова пахло сигаретным дымом, на столике стояли две открытые бутылки виски, а хозяин жилплощади спал на влажном, после вчерашней уборки диване.

Девушка оторопела и осознала, что когда Алекс вчера намекнул, что ей неплохо было бы остаться в квартире у Питера, в гостевой комнате, не придавала значение. Руки сжались от приступа гнева, она тут же набрала Алексу и открыла настежь балкон, чтобы как-то выветрить запах. Друг примчался минут через десять.

— Вставай свинья! — рявкнул Алекс на Питера, тот не пошевелился, — Мы же вчера всё обсудили, как ты можешь так?!

Глаза Питера открылись, в них стоял гнев и непонимание того, кто потревожил его:

— Пошел вон, я сам решу, что делать, — грубый, ещё пьяный, голос...

Алекс, обычно невозмутимый, на этот раз взорвался. Он рванул одеяло с Питера.

— Сам решишь? Вот так? Лежишь в рвоте и решаешь?! Ты смотришь, кто ради тебя старается! — он резким движением указал на Лену, которая стояла у балкона, бледная,

сжав кулаки.

Питер медленно сел, голова раскалывалась. Он смотрел на Лену, и сквозь алкогольный туман пробивалась та самая старая боль, перемешанная с новым, острым стыдом. Но стыд был невыносим, и он, как раненый зверь, перешёл в атаку.

— Старается? — он хрипло рассмеялся, указывая на неё дрожащей рукой. — Она не старается! Она отрабатывает свой билет в рай! Я для неё — путёвка в хорошую больницу! Так, Лена? Ты же не из жалости здесь! Ты из-за контракта! Так не притворяйся святой!

Воздух в комнате стал ледяным. Алекс ахнул. Лена замерла. Казалось, время остановилось.

Затем она медленно, очень медленно кивнула. Не оправдываясь.

— Да, — сказала она тихо, но чётко. — Из-за контракта. Из-за шанса начать всё заново. У меня, в отличие от тебя, Питер, не осталось ничего. Ни дома, ни семьи в здравом уме. Только этот шанс, который держится на тебе. И знаешь что? Мне от этого ещё противнее. Но я буду драться за этот шанс. Потому что мне некуда отступать.

Она сделала шаг вперёд, её глаза горели холодным, хирургическим огнём.

— А ты? Твоя квартира — твоя крепость? Отлично. Значит, мы действуем как в осаждённой крепости. Алекс, — она повернулась к другу, не отрывая взгляда от Питера, — я остаюсь здесь. Сегодня же. В гостевой комнате. Или на этом

диване. Это больше не лечение. Это — военные действия.

— Ты не смеешь! — прошипел Питер, пытаясь встать, но его закачало.

— Смею. Потому что твоё право «решать самому» кончилось ровно в тот момент, когда ты стал разменной монетой в моём будущем. Алекс, ключи от квартиры. Все. И смените код на замке.

Алекс, шокированный, но видя в её глазах ту же непреклонность, с какой она вчера командовала клинерами, молча достал ключ-дубликатор и протянул ей. Питер смотрел на это, не веря своим глазам.

— Ты... ты не имеешь права...

— Имею, — парировала она. — Право отчаяния. Теперь слушай внимательно. Бутылки, — она указала на столик, — сейчас же в раковину. Ты — под душ. Холодный. А потом мы пойдём гулять. Долго. Пока твоё тело не запомнит, что такое нормальная усталость, а не отравление.

— Я никуда с тобой не пойду!

— Тогда я позвоню в частную скорую и объясню, что здесь наследник крупной компании в состоянии острого алкогольного психоза, нуждается в срочной госпитализации и изоляции. Уверена, ваш семейный врач это подтвердит. И твой брат, которому ты не хочешь добавлять проблем, узнает всё из официального отчёта.

Это был удар ниже пояса. Грязный, беспощадный, но точный. В глазах Питера мелькнул животный страх — не за се-

бя, а за то, чтобы не стать ещё одним грузом для и так сражающегося брата.

— Ты стерва, — выдохнул он с ненавистью.

— Да, — согласилась Лена без тени смущения. — Стерва, которая хочет выжить. И тебя за собой потянет. Хочешь ты того или нет. Выбирай: холодный душ и прогулка, или белые стены клиники и уколы в мягкое место. Алекс, ты свидетель.

Питер смотрел на её непоколебимое лицо, на напряжённое лицо Алекса, на ненавистные бутылки на столе. Внутри всё кричало и рвалось наружу. Но ещё глубже, под этим слоем гнева и отчаяния, что-то дрогнуло. Что-то усталое и сломанное, что просто... сдалось.

С глухим стоном он поднялся и, шатаясь, поплёлся в сторону ванной, не глядя ни на кого.

Алекс выдохнул, проводя рукой по лицу.

— Лена... Это жестоко.

— Жизнь жестока, — она отвернулась, и он увидел, как дрожит её подбородок. — Ко мне, к нему, к твоему больному другу. Иногда нужна хирургия. Острым, чистым скальпелем. Даже если резать придётся по живому.

Они слышали звук льющейся воды и глухой удар кулака о кафель.

Война была объявлена.

Откровенный разговор.

Питер, всё ещё не до конца отошедший от ночной пьянки, сейчас шёл рядом с ужасно бесячей девушкой. Алекс свалил на работу, оставив его одного разгребаться с ней. Лена не говорила, она лишь ускоряла шаг идя в сторону парка, который был виден с балкона Питера, он еле поспевал за ней:

— У тебя там пропеллер что ли?! Остановись хоть на секунду, — бухтел мужчина, уже чувствуя отдышку.

— Нет, — злобно рявкнула на него девушка, ей нужно было выпустить пар, просто прогуляться.

В голове вдруг появились мысли о прошлых из прогулках, где весёлый юноша, с гитарой наперевес так же бежал куда-то вперед, а она старалась не отставать. В тот день, одев дурацкие босоножки, чтобы казаться для него привлекательнее, Лена набила больные мозоли. Обратно Питер со вселенской заботливостью нес её на руках до самого дома, через три квартала, ни разу не пожаловавшись на усталость... А сейчас! Девушка разозлилась на себя, на то, что ещё видит в нем того любимого, самого красивого, мальчика на свете.

— Остановись! — рявкнул мужчина, согнувшись и опустив руку на колени, он не мог никак отдышаться, и злился, бесконечно злился на самого себя и свою беспомощность.

Лена остановилась, резко обернувшись. На её глазах блеснули слёзы не то от злости, не то от чего-то другого. Она

смотрела на него — согнувшегося, задыхающегося, жалкого — и в груди всё перекошилось от этой чудовищной разницы между прошлым и настоящим.

— Смотри, — сказала она тихо, но так, что каждое слово било, как хлыст. — Вот он, результат. Ты не можешь пройти и километра. Ты не можешь догнать даже меня. Куда ты бежал тогда, а? Помнишь? Целых три квартала с дополнительными грузом на руках. А сейчас пустой, а еле ноги волочишь.

Он выпрямился, лицо исказила гримаса боли и ярости.

— Заткнись! Просто заткнись! Ты не знаешь ничего!

— Я знаю, что вижу! Я вижу развалину! И знаешь что самое противное? — её голос сорвался. — Я до сих пор вижу в тебе того мальчика! Того, который нёс меня на руках! И я ненавижу себя за это! Потому что его больше нет! Его убил вот этот... этот жалкий, слабый, вечно ноющий человек, который жалеет себя больше, чем кто-либо когда-либо пожалует его!

Она кричала. Прохожие оборачивались. Её прорвало. Прорвало всё: и ярость за вчерашний срыв, и отчаяние от руин собственной жизни, и эта дурацкая, неистребимая, предательская ностальгия.

Питер слушал её, и краска стыда заливала его лицо. Но под ней kloкотало что-то другое. Не защитная злоба, а что-то первобытное, оскорблённое. Она ударила в самое больное — в память о том, кем он был. В его собственную, давно похороненную гордость.

— Ты закончила? — его голос стал низким, опасным. Он выпрямился во весь рост, всё ещё бледный и трясущийся, но в его позе появилась твёрдость. — Хорошо. Ты хочешь того мальчика? Его нет. Он сдох. Остался я. И если я такой жалкий и слабый, то почему ты до сих пор здесь, а? Почему не свалила с твоим драгоценным контрактом в кармане? Могла ведь уже всё устроить и уехать!

Они стояли друг напротив друга посреди парка, как два враждующих острова, а между ними бушевало море старой боли, нового гнева и чего-то невысказанного.

— Потому что я дала слово! — выкрикнула она в ответ. — И я ненавижу себя за это тоже! За то, что не могу просто взять и уйти, когда ты сам, с таким удовольствием, роешь себе могилу!

— Так уйди! Никто не держит!

— НЕТ!

Этот крик вырвался у неё непроизвольно, отчаянно и искренне. Она замолчала, сама испугавшись своей реакции. Она тяжело дышала, сжав кулаки так, что ногти впились в ладони.

Питер смотрел на неё, и гнев в его глазах понемногу стал уступать место изумлению, а затем — горькому, сложному пониманию. Он видел её боль. Таковую же настоящую, как и его собственная.

— Значит, вот как, — медленно произнёс он. — Мы оба в ловушке. Ты — в ловушке своего слова и своей... честности,

что ли. А я... — он усмехнулся, — в ловушке этого. — Он сделал широкий жест, включающий в себя и его трясущиеся руки, и весь парк, и, казалось, всю его жизнь.

Он сделал шаг к ближайшей скамейке и тяжело опустился на неё.

— Ладно, — сказал он, глядя перед собой. — Хватит бегать. Буквально. И кричать. Сядь.

Лена колебалась секунду, затем, всё ещё вся на взводе, опустилась на противоположный конец скамьи, максимально далеко от него. Между ними лежала целая пропасть молчания, но оно было уже другого качества — не враждебное, а усталое, опустошённое.

— Я не бросил тебя тогда, — вдруг тихо сказал Питер, не глядя на неё. — Не в том смысле, в котором ты думаешь. Мне позвонили... насчёт брата. Первый приступ. Родители были за границей, всё рухнуло на меня. Мне пришлось экстренно уезжать, взять на себя всё... А потом... я не знал, что писать. Как объяснить, что моя жизнь превратилась в кошмар, в какую-то чужую жизнь, где нет места... гитарам и прогулкам. Мне казалось, легче просто... оборвать. Чтобы не отравлять тебе жизнь этим своим адом.

Он говорил это не как оправдание. А как констатацию факта. Как диагноз.

Лена слушала, не двигаясь. Ветер шевелил её волосы.

— Ты мог просто сказать, — прошептала она. — Я бы поняла.

— Я и сам не понимал, что происходит, — он качнул головой. — А потом... привык. Привык всё глушить. Сначала работой, страхом за брата, потом... этим. Потому что когда пьёшь, не так страшно. Не так больно. И чувствуешь себя хоть немножко... не беспомощным.

Он наконец посмотрел на неё. Его глаза были чистыми, без алкогольной мути, но полными такой глубинной усталости, что ей стало физически больно.

— Я не прошу жалости. Ты права. Я жалею себя. Это легче всего. Но сегодня... когда ты сказала про того мальчика... — он замолчал, сглотнув. — Мне стало... стыдно. Не перед тобой. Перед ним. Он бы меня презирал.

Он поднялся со скамьи, всё ещё шатаясь, но уже более уверенно.

— Так что давай. Скажи, что делать дальше. Твой план. Без сцен и угроз. Просто... скажи. Я попробую.

Лена смотрела на него. На этого сломленного, признавшего своё поражение человека, в котором вдруг проглянул призрак той самой силы, что когда-то нёс её на руках. Она кивнула, и голос её стал более спокойным, профессиональным.

— Хорошо. Первое. Идём обратно, медленно. Второе. Дома — регидратация. Не кофе, а вода, электролиты. Третье. Лёгкая еда. Четвёртое. Сон по режиму. Завтра — к терапевту, мне нужно видеть твои анализы. И психолог. Не обсуждается.

Он слушал, кивая. Потом спросил:

— А ты?

— Что «я»?

— Останешься? На диване? В гостевой? Как... надзиратель?

В его голосе не было вызова. Был вопрос.

Лена вздохнула.

— Да. На время. Пока не удостоверюсь, что ты не свалишься в пропасть при первом же стрессе. Пока... пока не появится хоть какая-то уверенность.

Он снова кивнул.

— Ладно. Пошли.

Они пошли обратно, медленно, молча. Но тишина между ними теперь была не враждебной, а хрупкой, новой, как тонкий лёд на луже после оттепели. Они оба знали, что он может треснуть в любой момент. Но пока они шли по нему вместе. Осторожно, шаг за шагом.

Больница.

Лена и Питер шли обратно из парка, когда Питер вдруг снова заговорил:

— Давай заглянем в магазин, — предложил он останавливаясь возле супермаркета, Лена недовольно покосилась, — Не для того, о чем ты подумала, ты же сказала что нужна еда, в моем холодильнике её нет, и там прохладно.

Девушка согласилась, они зашли в супермаркет и занялись набором продуктовой корзины, Лена знала, чем кормить, она знала как это готовить, а Питер довольствовался тем, что в магазине работал кондиционер. Он увлечённо брал продукты, которые на вид казались ему вкусными: красная полусоленая рыба, шоколадные конфеты, гора мандаринов и много другое.

— Ты как ребенок, — покачала головой девушка, но не стала ничего выкладывать, — Понесёшь самые тяжёлые пакеты! Дополнительная физическая нагрузка.

Он не стал спорить. Кивнул, взял два самых набитых пакета, почувствовав, как напрягаются ослабевшие мышцы. Пакеты были тяжёлыми, по-настоящему. Не как бутылки, которые он поднимал тысячу раз. Это был другой вес. Вес нормальной жизни, к которой он давно не прикасался. Они шли обратно уже не так быстро, но и не в гробовом молчании. Питер отдувался под ношей, и это, как ни странно, отвлека-

ло от желания схватиться за виски. Физический дискомфорт был проще душевного.

— Конфеты... это перебор, — процедила Лена, неся свой пакет с кашами, куриной грудкой и овощами.

— Ты сказала — еда. Это еда, — ухмыльнулся он, но ухмылка получилась слабой. — Мозгу нужна глюкоза. Для... восстановления.

— Мозгу нужно много чего, но в первую очередь — кислород и отсутствие нейротоксинов. А глюкозу он получит из нормальных углеводов.

Он фыркнул, но промолчал. Ему даже нравилось, что она спорила о таких бытовых мелочах. Это было нормально. Почеловечески.

Вернувшись в квартиру, они разложили покупки. Лена сразу приступила к делу: поставила греться воду, начала готовить какой-то простой куриный бульон с зеленью, резала овощи. Её движения на кухне были такими же уверенными и точными. Питер стоял в дверях, наблюдая. Ему было неловко. Он чувствовал себя лишним на своей же кухне.

— Может, помочь?

— Можешь накрыть на стол. Два прибора. И принеси воды.

Он послушно выполнил. Процесс был простым, почти ритуальным. Разложить салфетки, поставить тарелки, стаканы. Просто. Но от этого пахнущего едой ожидания что-то сжималось у него в груди — что-то тёплое и одновременно бо-

лезненное, как отсиженная нога.

Они ели молча. Бульон был горячим, лёгким. Питер съел всю тарелку, к своему удивлению. Потом Лена заставила его выпить стакан воды с регидроном. На вкус было отвратительно, но он выпил, скривившись.

— Теперь отдых. Или сон, если получится, — сказала она, убирая со стола. — Я займу гостевую.

— Лена, — остановил он её, когда она уже направлялась к комнате. Она обернулась, ожидая новых претензий. — Спасибо. За... за то, что не свалила. Даже из-за контракта. Она замерла на секунду, потом кивнула, коротко и как-то сухо.

— Не за что. Это моя работа.

Но когда дверь в гостевую комнату закрылась, она прислонилась к ней спиной и закрыла глаза. Его слова «не свалила» отозвались в ней странным эхом. Потому что это была правда — не вся, но важная её часть. Контракт был причиной, но не единственной. Было что-то ещё. Что-то, связанное с памятью о его руках, несущих её по асфальту, и с яростью от того, как эти же руки теперь тряслись, поднося бутылку ко рту.

В гостиной Питер сидел на чистом диване, смотрел на пустой, сияющий столик и впервые за долгие годы думал не о том, как бы забыться, а о том, что будет завтра. И мысль о завтрашнем дне вызывала не панику, а глухую, усталую решимость. Потому что за стеной был кто-то, кто в него поверил. Пусть из самых корыстных побуждений. Но поверил

достаточно, чтобы остаться.

*** Питер на удивление хорошо спал, видимо усталость дала своё. Утром он вышел на балкон и закурил, наблюдая, как просыпается город, как все спешат на работу. Сигарета...вторая. Тут мужчина услышал, как дверь гостевой комнаты открылась, и он выглянул с балкона:

— Доброе утро, — брякнул Питер неосознанно, девушка удивленно обернулась.

— Фу, — она зажала нос от запах табака, — Ещё бы ты курил поменьше, утро было бы еще добрее.

Лена прошла на кухню, её лицо выражало явное отвращение. Питер затушил сигарету, чувствуя внезапный прилив вины — как будто испортил что-то только что начавшее налаживаться.

— Кофе будешь? — спросил он, следуя за ней.

— Чай. Зеленый. И завтрак. Белковый. Яйца, например, — она открыла холодильник, оценивая запасы. — И сигареты — это следующий пункт после алкоголя. Ты травишь легкие, которые и так еле дышат после всех твоих экспериментов над собой. Он хотел было огрызнуться, что это его дело, но вспомнил вчерашний разговор на скамейке. Вспомнил стыд. И просто вздохнул.

— Ладно. Попробую сократить.

— Не «попробую». Или ты сокращаешь, или я буду считать каждый окурочек и вычитать его из твоей доли прогулок. Режим, Питер. Он работает, только если соблюдать все пунк-

ты.

Она говорила сухо, по-деловому, но в её тоне не было вчерашней ярости. Была усталая настойчивость. Как будто они оба устали от войны и перешли к переговорам с чёткими условиями.

Пока она готовила завтрак, Питер сел на барный стул у кухонного острова и наблюдал. Солнечный луч падал на её руки, ловко отделявшие желток от белка. Он вдруг осознал, как давно он не видел простого утреннего ритуала, в котором участвовал бы ещё кто-то.

— Ты на сегодня к терапевту записала? — спросил он.

— На 11. Ты поедешь со мной. Без вариантов.

— Боюсь, — признался он неожиданно для себя.

— Боишься услышать правду?

— Боюсь, что она будет настолько плохой, что... что не будет смысла стараться. Лена остановилась, положила нож и посмотрела на него.

— Правда уже перед тобой. Ты еле ходишь, у тебя трясутся руки, ты не можешь бежать. Медицинские анализы — это просто цифры. Констатация факта. Они не сделают тебя здоровее или больнее. Они просто покажут, с чего мы начинаем. Как карта местности для восхождения. Да, на ней будут обрывы. Но будут и тропы.

Он молча кивнул, принимая эту логику. Это была логика хирурга: оценить повреждения, а затем их исправлять. Без лишних эмоций. Позавтракав (он съел всё, что ему положи-

ли, хотя яичница казалась безвкусной после месяцев острой и солёной закуски), они отправились в клинику.

В кабинете терапевта Питер чувствовал себя как на экзамене, на котором заранее знаешь, что провалился. Врач, немолодой мужчина с усталыми глазами, задавал вопросы, щупал печень, слушал лёгкие, качал головой. Лена стояла рядом, как суровый адвокат, задавая уточняющие вопросы на медицинском языке, который Питер понимал лишь наполовину.

— Печень увеличена, — констатировал терапевт. — Давление скачет. Общее состояние... истощение. Молодой человек, вам повезло, что у вас такой... настойчивый друг. — Он кивнул в сторону Лены. — Начинайте с диеты, щадящих нагрузок. И, само собой, полный отказ от алкоголя. Ни капли. Ни на праздники, ни «для сугреву». Никаких компромиссов. Иначе следующая остановка — не мой кабинет.

Он выписал направления на кучу анализов. Питер смотрел на длинный список, и у него снова сжалось внутри. Это было осязаемое, бумажное доказательство его разрушения. Выйдя из кабинета, он молчал, сжимая в руке бумажки.

— Что, страшно? — спросила Лена, когда они сели в такси.

— Да, — честно ответил он. — Это как... официальный диагноз твоей никчёмности.

— Это диагноз болезни, — поправила она резко. — Болезни, которую можно лечить. Ты не никчёмный. Ты — бо-

лен. И сейчас мы начинаем лечение.

Она не стала его утешать. Но в её словах была чёткая схема действий: болезнь — диагноз — лечение. Это было понятнее, чем абстрактные «возьми себя в руки».

Зарядка и психолог.

Весь день прошёл в хлопотах: сдача анализов, поход в аптеку за витаминами и гепатопротекторами, долгая, неспешная прогулка. Лена говорила мало, но её присутствие было плотным, неминуемым, как закон тяготения. Она не позволяла ему замедлиться, не позволяла уклониться.

Вечером, когда они вернулись, в квартире пахло не табаком и отчаянием, а едой с соседней кухни и свежим воздухом. Питер стоял на балконе, но уже без сигареты. Просто смотрел на закат. Он чувствовал себя выжатым, как лимон, но странно... чистым. Не физически, а как-то изнутри. Как будто с него сняли грязный, мокрый плащ, который он таскал годами.

— Завтра, — сказала Лена, появляясь в дверях балкона, — начнём с зарядки. Самой простой. И найдём тебе психолога. Алекс уже договаривается. Он кивнул.

— Хорошо.

Он не спорил. Потому что впервые за долгое время «завтра» не было для него пугающей черной дырой. Оно было просто следующим пунктом в плане. Трудным, но понятным. И он знал, что ему не придётся проходить его в одиночку. Даже если его спутница была здесь поневоле. Она была здесь. И в этом, как он начинал понимать, заключалась огромная разница.

*** На утро у Питера была в руках снова сигарета и чашка кофе, которую было нельзя, но очень хотелось. Мужчина снова смотрел на просыпающийся город, трогал свою отросшую бороду. Ему пока не хотелось её сбривать, приводить внешность в порядок, пока он не уверен, что хочет этого исправления, а оно уже начиналось в тот момент когда гостевая комната открылась. Лена в спортивной форме, вышла в гостиную, на нейтральную территорию.

— Туши свою сигарету и иди сюда! — вместо утреннего приветствия она позвала его.

— Ну что за неугомонная женщина, — буркнул Питер себе под нос и вышел к Лене, строя максимально недовольное лицо.

— И недовольное лицо можешь тоже убрать, — отрезала Лена, не обращая внимания на его гримасу. — Никаких театральных эффектов. Встань ровно. Ноги на ширине плеч.

Он подчинился, чувствуя себя идиотом посреди собственной гостиной. Кофе и сигарета на балконе казались куда более адекватным утренним ритуалом.

— Теперь — дыхание. Глубокий вдох через нос. Медленный выдох через рот. Три раза.

— Я умею дышать, — проворчал он, но сделал, как велели.

Воздух без табачного дыма показался ему странно пустым и резким.

— Умеешь, но неправильно. Твоё дыхание поверхност-

ное, потому что лёгкие забиты. Начинаем с малого. Руки на пояс. Неглубокие приседания. Десять раз. Медленно.

Питер покосился на неё, но начал. После пятого приседания в мышцах ног загорелся знакомый, но давно забытый жар слабости. После седьмого он застонал.

— Восемь, девять, десять, — считала Лена без тени снисхождения. — Видишь, ещё не умер. Теперь наклоны в стороны. По пять раз.

Он выполнял всё, скрипя зубами, покрываясь испариной. Это была не тренировка, а унижительная демонстрация его физической деградации. Каждое движение давалось с трудом, мышцы кричали от непривычной нагрузки.

— И последнее на сегодня. Планка. Тридцать секунд.

— Что?! — Питер посмотрел на неё, как на сумасшедшую.

— Тридцать секунд. Это минимум для новичка. Ложись.

Он плюхнулся на коврик, который она заранее постелила, принял упор лёжа. Руки задрожали почти сразу. Через десять секунд всё тело напряглось до боли.

— Я не могу...

— Можешь. Двадцать секунд осталось. Дыши.

Он смотрел в пол, стиснув зубы, чувствуя, как предательски трясётся всё его тело. В ушах стучала кровь. Это был ад. Но почему-то в этом аду не было желания сдаться и пойти выпить. Было только жгучее, животное желание доказать. Даже если единственный зритель — эта невыносимая жен-

щина.

— Стоп, — наконец сказала она. — Всё. Молодец.

Он рухнул на коврик, тяжело дыша. Сердце колотилось, как молот.

— Молодец? — выдохнул он с горькой усмешкой. — Я продержался тридцать секунд, как последний дистрофик.

— Но продержался. Не сдался. Это уже победа. Завтра будет сорок.

Она протянула ему бутылку с водой. Он принял её дрожащими руками, сделал несколько жадных глотков.

— Иди в душ. Тёплый, не горячий. Потом завтрак. Сегодня у нас встреча с психологом в два.

Питер, всё ещё лежа на полу, посмотрел на неё снизу вверх.

— Ты всегда такая... командир?

— Только когда вижу, что пациент склонен к саботажу, — она собрала коврик. — А ты — ходячий саботажник. Поэтому без вариантов. Поднимайся.

Он поднялся, чувствуя, как дрожат ноги. Но вместе с усталостью по телу разливалось странное, едва уловимое чувство... удовлетворения? Нет, не то. Скорее, ощущение, что он что-то сделал. Маленькое, ничтожное, но реальное действие в сторону жизни, а не медленного самоуничтожения.

По дороге в ванную он поймал своё отражение в зеркале прихожей. Растрёпанные волосы, отросшая, неопрятная борода, глаза с тёмными кругами. Жалкое зрелище. Но в

этих глазах сегодня не было только пустоты и злости. Была усталость. И какое-то упрямство. Возможно, эта женщина со своим контрактом и диктаторскими замашками была права. Может, иногда, чтобы выбраться из ямы, нужен кто-то, кто будет неумолимо бросать тебе верёвку, даже когда ты сам кричишь, чтобы тебя оставили в покое.

*** Поход к психологу оказался неприятным, Питер косился на серьёзного мужчину и шарахался от него как от прокажённого, когда тот что-то спрашивал. Психолог Лену не пустил, сказав о личной встрече, и от этого, кажется, было только хуже.

— Пациент не идёт на контакт, — когда Питер ушёл в туалет после двух часового мучения, психолог вышел к его спутнице, — Возможно это лишь по началу и дальше будет лучше, но глубокую депрессию видно невооружённым взглядом.

— И что же делать? — Лена закусила щеку изнутри, стараясь сопоставить реальность.

— Не оставлять одного, и надеяться, что следующее сеансы принесут результат.

— Пошли отсюда! — Питер вернулся из туалета, взяв девушку за руку и недоверчиво покосился на психолога, — Ты помнишь, у нас по расписанию прогулка?

Лена, ещё не успев толком ответить психологу, чуть не споткнулась, когда Питер резко потянул её за собой. Его пальцы сжимали её запястье с такой силой, будто он держал-

ся за спасительный канат в шторм. Его лицо было бледным, а в глазах — паника, смешанная с агрессией.

Она едва успела кивнуть психологу, который смотрел им вслед с профессиональным беспокойством, прежде чем Питер почти выволок её на улицу.

Он не отпускал её руку, пока они не отшагали от здания солидное расстояние. Только тогда он разжал пальцы, оставив на её коже красноватые отметины, и остановился, тяжело дыша, уткнувшись взглядом в асфальт.

— Больше никогда, — выдохнул он хрипло. — Никогда. Ты слышишь? Это... это как вскрывать рану ржавым ножом, не давая даже анестезии.

— Питер...

— Нет! — он резко поднял на неё взгляд. В нём плескалась настоящая, животная боль.

— Он задавал вопросы... такие вопросы. О брате. О родителях. О том, как я себя чувствую, когда они звонят. О том, что я чувствовал, когда тебя бросил. Я не могу это... я не хочу это чувствовать! Для этого и существует бутылка, чёрт возьми! Чтобы не чувствовать!

Он говорил почти крича, и прохожие оборачивались. Лена не пыталась его успокоить. Она просто стояла и слушала, понимая, что психолог был прав. Глубокая депрессия. И попытка дотронуться до неё вызвала такую бурную реакцию отторжения.

— Хорошо, — сказала она, когда он замолчал, задыхаясь.

— Сегодня — больше не будем. Но, Питер... — она сделала шаг к нему, заставляя его встретиться с ней взглядом. — Ты только что доказал, что все эти чувства там есть. Они живы. И они причиняют тебе адскую боль. Ты можешь продолжать глушить их. Но ты видел, к чему это приводит. Или... ты можешь попробовать сделать то, что страшнее всего. Посмотреть на них. Не в одиночку.

— С тобой? — он усмехнулся, и это звучало горько и беззащитно. — Ты же ненавидишь меня за часть из них.

— Я не ненавижу тебя, — тихо сказала Лена, и это была правда, осознанная ею только в эту секунду. Она ненавидела то, во что он превратился. Но не его самого. Слишком много старой привязанности и нового, странного сострадания было замешано в этом коктейле. — Я злюсь. Очень. Но я здесь. И я не уйду, пока... пока мы не разберёмся с этим. Прогулка, говоришь? Идём. Куда угодно. Просто идём.

Он смотрел на неё, и паника в его глазах понемногу начала сменяться изнеможением. Он кивнул, не в силах говорить, и они пошли. Не в парк, а просто по улицам, без цели, в полном молчании. Но теперь это молчание было другим. Оно не было тяжёлым или враждебным. Оно было... разделённым. Как если бы они оба несли один и тот же невыносимый груз, и знали об этом.

Спустя полчаса Питер, не глядя на неё, глухо произнёс:

— Когда он спросил о брате... я представил его лицо. То, каким оно бывает, когда ему больно. И я понял, что боюсь

не только за него. Я боюсь стать для него... ещё одной болью. Ещё одной проблемой, которую нужно решать. А я и так ею стал.

— Ты думаешь, он не знает? — мягко спросила Лена.

— Знает. Поэтому и звонит редко. Говорит только о делах. Боится спровоцировать... это, — он махнул рукой, обозначая всё своё состояние.

— А может, он просто не знает, как помочь. Как и ты когда-то не знал, что писать мне. Питер резко остановился.

— Не надо... не надо проводить эти параллели.

— Почему? Они есть. Ты отрезал себя от тех, кому небезразличен, потому что не хотел быть обузой. И оказался в полном одиночестве. С которым не смог справиться. Он закрыл глаза, и его плечи сжались.

— Это слишком больно, Лена. Слишком.

— Знаю, — она положила руку ему на плечо, легонько, почти невесомо. Он вздрогнул, но не отстранился. — Но другого пути нет. Или через боль — к жизни. Или... — она не стала договаривать.

Они дошли до набережной и сели на холодную каменную парапету, глядя на воду. Питер долго молчал, а потом сказал, глядя куда-то вдаль:

— Я попробую. Сходить ещё раз. К психологу. Но... если можно, в следующий раз... чтобы ты была рядом. В соседней комнате. Не в кабинете, просто... рядом.

Это была огромная уступка. Признание его уязвимости и

необходимости в её поддержке. Не как надзирателя, а как... опоры.

Лена кивнула.

— Хорошо. Я буду рядом.

На обратном пути он шёл уже более спокойно. В квартире он, не говоря ни слова, прошёл в ванную. Через полчаса вышел — с аккуратно подстриженной бородой, почти что щетиной. Волосы были мокрыми, причёсанными. Он выглядел... почти как человек.

— Зачем? — спросила Лена, удивлённая.

— Чтобы меньше стыдно было, — честно ответил он. — Хоть снаружи начинать. А там, глядишь, и внутри что-то подтянется.

Это был маленький, но очень важный шаг. Не под давлением, а по собственной воле. Шаг от хаоса к порядку. Шаг от саморазрушения — к попытке собрать себя по кусочкам. И Лена понимала, что её роль здесь менялась. Из надзирателя и «контрактного спасителя» она медленно превращалась в союзника. В того, кто просто идёт рядом по этой трудной, болезненной дороге. И, возможно, это было страшнее всего. Потому что теперь её собственное сердце было вовлечено в эту опасную игру. Не как врача, а как женщины, которая когда-то любила этого человека и теперь, сквозь все слои боли и гнева, снова начинала что-то к нему чувствовать. Что-то опасное и неизбежное.

Разбитое зеркало.

На следующее утро всё повторилось. Оно встретило Питера сигаретой на балконе и спешащими на работу людьми. Питер не смог выспаться, как не пытался, его тошнило от всего что происходит, он хотел, хотел бы чтобы вся боль ушла по щелчку пальцев, но так не бывает.

— Туши сигарету и на зарядку, — снова голос Лены, снова её дурацкая зарядка, снова Питер чувствовал себя дураком выполняя дурацкие упражнения.

— Какой план на сегодня босс? — невесело спросил мужчина, ожидая на кухне очередной порции мерзкой на вкус воды.

Лена, ставя перед ним не воду с регидроном, а простой стакан свежавыжатого сока, Алекс вечером привёз соковыжималку и кучу овощей, ответила без тени улыбки:

— Регидрон пока отменяется, организм держит водный баланс. Сегодня — смена декораций. Зарядка была. Дальше душ. Завтрак. А потом — поедem на стройку.

Питер, уже подносивший стакан ко рту, замер.

— На какую стройку?

— На ту, что у въезда в город. Та, что заморожена уже полгода. Твоя, если я не ошибаюсь.

Он поставил стакан с глухим стуком.

— Ты с ума сошла? Какая стройка? Я туда не поеду.

— Почему? Ты же наследник. Доверенное лицо — Алекс. Но Алекс сейчас на совещании в другом городе. А на объекте, как он сказал, возникли «непредвиденные обстоятельства». Нужно присутствие представителя компании. Хоть какого-то.

— Я не в состоянии представлять компанию! — голос Питера сорвался. — Ты видела меня вчера у психолога! Я развалина!

— Развалины тоже бывают полезны. Иногда их вид заставляет людей шевелиться, — парировала Лена. — Ты же хочешь, чтобы боль ушла? Она не уйдёт, если ты будешь прятаться здесь. Боль нужно вытеснять. Другими делами. Другими ощущениями. Даже если это будет неловко, стыдно и противно.

— Это садизм какой-то! — он встал, отодвинув стул.

— Это терапия. Шоковая. Ты боишься стать обузой для брата? Так стань полезным. Хоть на один день. Сделай то, что должен был делать все эти месяцы, но не делал, потому что было «слишком больно». А сейчас тебе уже нечего терять. Ты на дне, Питер. Оттолкнись.

Он смотрел на неё, и в его глазах бушевала буря: страх, злость, паника. Но под всем этим — слабый, едва тлеющий уголёк чего-то другого. Что-то в её словах «ты на дне, оттолкнись» отозвалось в самой глубине. Это была правда. Беспощадная, как удар ножом, но правда.

— Я... я даже не знаю, что там происходит. Какие бумаги,

какие проблемы...

— Алекс скинул мне файлы. Я всё просмотрела. Я поеду с тобой. Как твой... помощник. Медицинский и не только. Но говорить будешь ты. Ты — лицо компании. Хочешь ты того или нет.

Питер медленно опустил обратно на стул. Он чувствовал, как всё внутри сжимается от ужаса. Выйти в мир? В свой же мир, который он предал? Но... отступить было некуда. За её спиной он видел не просто стены квартиры. Он видел ту самую яму, из которой она его тащила. И возвращаться туда было уже страшнее, чем ехать на эту чёртову стройку.

— Ладно, — прошептал он, глядя в стакан с соком. — Ладно. Но если я опозорюсь...

— Ты уже опозорился. В своих собственных глазах. Всё, что дальше — будет только лучше.

Через час, одетый в чистую, непривычно нормальную одежду (Анна снова оказалась провидцем), Питер сидел в такси рядом с Леной. Он молчал, сжав руки в кулаки, глядя в окно на мелькающие улицы. Подъезжая к окраине, они увидели забор с логотипом «Строй-Вектор» и за ним — мрачный каркас недостроенного жилого комплекса. Работы не велось, вокруг было пустынно и грязно.

У проходной их ждал хмурый прораб с папкой в руках. Увидев Питера, его глаза округлились.

— Пётр Михайлович? Мы... мы вас не ждали. Алексей

Иванович сказал, что приедет представитель...

— Я и есть представитель, — голос Питера прозвучал тише, чем он хотел, но твёрже, чем он боялся. — Что у вас?

Прораб засуетился, начал показывать бумаги, говорить о проблемах с поставками, о несанкционированной свалке строймусора на территории, о проверках. Питер слушал, и поначалу всё плыло перед глазами. Но потом, по мере того как прораб говорил о конкретных цифрах, сроках, названиях фирм-подрядчиков, в голове начала шевелиться что-то старое, дремавшее. Знания. Опыт отца, которому он когда-то внимал. Собственные, давно забытые навыки.

— Покажите мне договор с «МеталлСервисом», — внешне сказал он. — И акты выполненных работ за прошлый месяц.

Прораб, удивлённый, подал папку. Лена стояла чуть поодаль, наблюдая. Она видела, как дрожат пальцы Питера, когда он листал бумаги. Но видела и как его взгляд цеплялся за строчки, становился сосредоточенным.

— Здесь нестыковка, — пробормотал он себе под нос, затем громче, обращаясь к прорабу: — Объём арматуры, указанный в акте, на треть превышает заявленный в проектной документации. Или воровали, или проект меняли без согласования. Кто главный инженер на объекте? Почему его подпись стоит здесь?

Прораб заёрзал. Питер, забыв на время про трясущиеся руки и тошноту, продолжил задавать вопросы. Чёткие, по

делу. Он был слаб, голос срывался, но в его вопросах была хватка. Хватка человека, который знает, о чём говорит. Хватка хозяина.

На него смотрели уже по-другому. Не как на жалкого наследника, а как на начальство, которое, пусть и неожиданно, но появилось и начало копать.

Через полчаса он вышел с объекта, бледный как полотно, но с странным блеском в глазах.

— В машину, — сказал он Лене коротко. — Быстрее.

В такси он откинулся на сиденье, закрыл глаза. Его трясло уже по-настоящему, от перегрузки.

— Всё, — прошептал он. — Я больше не могу.

— Ты уже всё сделал, — сказала Лена, и в её голосе прозвучало что-то новое. Не командирский тон, а почти что уважение. — Ты только что провёл рабочее совещание. Уличил людей в халатности. Ты был... боссом.

— Я был призраком, — он горько усмехнулся, не открывая глаз. — Но да. Был. И знаешь что? На несколько минут... я не думал о том, как мне плохо. Я думал о том, как наладить этот бардак.

Он открыл глаза и посмотрел на неё.

— Это и есть твоя «шоковая терапия»?

— Да. Чтобы ты вспомнил, кто ты есть на самом деле. Не жалкий пьяница, а человек, способный решать проблемы. Даже если для этого нужно пройти через ад стыда и страха.

Он молча кивнул, глядя в окно. Тошнота никуда не де-

лась. Паника и желание забыться — тоже. Но теперь к этому миксу добавилось что-то ещё. Ощущение, что он, как этот недостроенный каркас, всё ещё стоит. И, возможно, его ещё можно достроить.

Питер весь оставшийся день молчал, ушёл глубоко в себя, а глубокой ночью он с отвращением смотрел на себя стоя в ванной перед зеркалом, сон снова не шёл:

— И это начальник? — на губах появилась злорадная усмешка, он видел всё: свои отросшие патлы, свою неаккуратно подстриженную бороду дрожащими руками, впалые щёки, синяки под глазами не понятно от чего, хотя теперь понятно. — Мерзость! — рывкнул Питер на свое лицо и дрожащая рука в момент сжалась в кулак разнеся зеркало в ванной, слишком громко.

Мужчина услышал как включился свет, видимо шум от разбитого стекла разбудил Лёну...

Стук в дверь был резким, тревожным.

— Питер? Ты там? Что случилось?

Он стоял, сжав окровавленный кулак, глядя на осколки своего отражения, разбросанные по раковине и полу. В каждой обломке ухмылялась своя собственная, искажённая мерзость.

— Ничего, — пробормотал он хрипло. — Просто... зеркало упало.

Дверь распахнулась. Лена, в спортивных штанах и фут-

болке, с взъерошенными волосами, замерла на пороге. Её взгляд мгновенно оценил ситуацию: разбитое зеркало, кровь на его руке, его безумные, полные саморазрушительной ярости глаза.

— «Упало», — повторила она без интонации. — Понятно.

Она не стала читать нотаций. Не стала кричать. Она шагнула вперёд, осторожно минуя осколки, и взяла его за запястье.

— Иди. Промоем.

Он позволил отвести себя в кухню. Сел на стул, покорно протянул руку под струю холодной воды. Кровь смывалась, обнажая несколько неглубоких порезов на кулаке..

Лена молча обработала раны, наложила повязку. Её движения были профессиональными, без лишней нежности, но и без осуждения.

— Зеркало можно купить новое, — наконец сказала она, убирая аптечку. — Рука заживёт. А что с тем, кто в него смотрелся, Питер?

Он отвернулся, уставившись в темноту за окном.

— Ты же видела. Мерзость. Жалкая, ни на что не способная тварь. Тот, кто сегодня на стройке... это был просто призрак. Маска. А вот это, — он ткнул пальцем в сторону ванной, — это реальность.

— Реальность — это то, что ты сегодня сделал. Реальность — это то, что ты здесь сидишь с перевязанной рукой, а не пьёшь, чтобы заглушить боль от порезов. Призраки не бьют

зеркала, Питер. Призраки проходят сквозь них. Ты — живой. И тебе больно. И ты злишься. На себя. На мир. На меня.

— Особенно на тебя, — вырвалось у него с горькой прямотой. — Потому что ты заставляешь меня это видеть. И не даёшь забыть.

— Да, — согласилась она. — Не даю. Потому что забытьё — это смерть. Медленная, вонючая, но смерть. А я, как ни крути, медик. Я борюсь за жизни. Даже за такие упрямые и неблагодарные, как твоя.

Она села напротив него, обхватив чашку с остывшим чаем, который стоял на столе с вечера. Ты знаешь, что я видела в том зеркале, пока оно было целым? Не мерзость. Я видела человека, который попал в катастрофу и выжил, но в страшных шрамах. И теперь боится на них смотреть. Это нормально — бояться. Ненормально — пытаться разбить собственное отражение, как будто от этого шрамы исчезнут.

— Что же мне делать? — спросил он с безнадёжностью в голосе, опуская голову на сложенные на столе руки. — Как с этим жить? С этим... ощущением, что всё, что было хорошего, — сгнило. Осталось только это.

Лена долго молчала.

— Не знаю, — сказала она наконец честно. — Я не знаю, как с этим жить. Я знаю, как лечить печень, как чистить кровь, как налаживать режим. А как лечить душу, которая считает себя мерзостью... Этому не учат в меде. Но я думаю, что начинается это с одного: перестать бить зеркала. Начать

видеть в этих шрамах не доказательство уродства, а... отметины о выживании. Ты выжил, Питер. В том аду, который сам себе устроил. Теперь нужно научиться жить с этим фактом.

Он поднял на неё глаза. В них не было злости. Была только бесконечная усталость и растерянность.

— Я не знаю, смогу ли.

— Пока что ты справляешься. Даже сейчас, сидишь здесь, а не в луже крови и виски среди осколков. Это уже что-то.

Она встала.

— Утро будет тяжёлым. Идём спать. Вернее, пытаться спать. Я сяду в кресло в гостиной, если хочешь. Чтобы не было... слишком одиноко в темноте.

Это предложение было неожиданным. Не приказом, а... поддержкой. Он колебался, потом кивнул.

Он лёг на диван в гостиной, она устроилась в глубоком кресле напротив, накинув на плечи плед. Свет был выключен, только городской отсвет за окном слабо освещал комнату.

— Лена, — тихо позвал он в темноту.

— М?

— Прости. За всё. И за зеркало тоже.

Она не ответила сразу. Потом, уже сквозь дремоту, прозвучало:

— Ладно. Спи.

И в этой тёмной тишине, под неуверенное дыхание друг

друга, они оба нашли каплю покоя. Ненадолго. Но достаточно, чтобы дождаться утра.

Ритуал.

Проклятый утренний ритуал, от которого он пока не мог отказаться, снова выгнал его на балкон. Питер снова стоит здесь, держа сигарету в больной руке, Лена спит, и мужчина крадётся в своей собственной квартире на цыпочках, чтобы не разбудить.

— Да что же такое? — он спускается по стене присаживаясь на пол на балконе, мозг лихорадочно соображает, в голове крутится вчерашняя ситуация на стройке, кажется, что он сделал не все что было в его силах.

— Снова куришь? — Лена зевая и кутаясь в плед смотрела на уставшего мужчину, — Зарядку никто не отменял, — вдруг бодро сказала она, — Пять минут и встречаемся посередине гостиной.

Питер затушил сигарету с таким видом, будто это была последняя капля его воли. Он поднялся, чувствуя, как ноют все мышцы, а перевязанная рука пульсирует тупой болью. Но он вышел в гостиную.

Лена уже ждала. Она выглядела не выспавшейся, но собранной.

— Сегодня без планки, — сказала она, глядя на его руку. — И без отжиманий. Растяжка и дыхание. И небольшая прогулка перед завтраком.

Он молча кивнул. Зарядка прошла в почти медитативной

тишине. Без рывков, с концентрацией на каждом движении, на каждом вдохе. Это было не унижительно, а... сосредоточено. Как будто он собирал себя по частям, аккуратно ставя каждую деталь на место.

За завтраком, овсянка с ягодами, которую он уже мог есть без внутреннего протеста, он вдруг сказал, не глядя на неё:

— Мне нужно сегодня снова туда. На стройку.

Лена подняла на него удивлённый взгляд.

— Зачем? Вчерашнего недостаточно?

— Нет, — он покачал головой. — Я там кое-что упустил. В панике, в этом... стремлении поскорее сбежать. Там в документах был момент с подрядной организацией по электроснабжению. Они должны были сдать объект ещё три месяца назад. Но актов нет. И никто не поднимал вопрос. Мне нужно поговорить с прорабом и главным инженером. Лично. И посмотреть, что там на самом деле.

Он говорил это с непривычной для самого себя уверенностью. Не как оправдание, а как констатацию факта. Лена изучала его лицо.

— Ты уверен, что готов?

— Нет, — честно ответил он. — Но я знаю, что если не поеду, то буду сидеть здесь и сходить с ума от мысли, что опять что-то спустил на тормозах. Вчера... это было как щелчок. Я вспомнил, как это — решать проблемы. И это... это лучше, чем думать о том, какой я жалкий.

Он наконец посмотрел на неё.

— Ты поедешь со мной?

В его голосе звучала не просьба, а необходимость. Она была его якорем, его связью с реальностью за пределами его страхов.

Лена отпила чай, медленно ставя чашку.

— Конечно. Но условие: после стройки — сразу к психологу. У нас запись на после обеда. Без эксцессов, как в прошлый раз. Договорились?

Он сжал зубы, но кивнул.

— Договорились.

На стройке их встретили уже с другим выражением лиц. Не с пренебрежением или паникой, а с настороженным уважением. Питер, всё ещё бледный, с перевязанной рукой, сразу прошёл в бытовку, потребовав к себе прораба и главного инженера. Лена осталась у входа, наблюдая.

Она слышала сквозь тонкую стенку, как его голос, сначала тихий, но твёрдый, задавал вопросы. Не кричал. Спрашивал. И требовал конкретных ответов, дат, документов. Были паузы, когда он, видимо, продирался сквозь туман в голове, вспоминая термины или цифры. Но он не сдавался.

Через час он вышел. Выглядел измождённым, но с прямым взглядом.

— Всё. Разберёмся с поставщиками. Нужно будет связаться с братом, согласовать кое-какие решения, — сказал он ей, уже шагая к такси. — Там, оказывается, целая схема была

по откатам на материалах. Классика. Просто все думали, что хозяевам наплевать. В такси он молчал, глядя в окно, но не в пустоту, а обдумывая что-то. Потом тихо сказал:

— Спасибо.

— За что? — удивилась Лена.

— За то, что заставила вчера поехать. И за то, что сегодня не отговорила. Я... я думал, что всё забыл. Как это — быть нужным. Как это — нести ответственность. Оказывается, не забыл. Просто очень глубоко закопал. Они приехали к психологу. На этот раз Питер не сжимал её руку в мертвой хватке. Он глубоко вздохнул перед дверью кабинета и сказал:

— Жди. Я... попробую.

И он вошёл. Один.

Лена осталась в коридоре, и впервые за эти дни её охватило не тревожное напряжение, а странное, щемящее чувство... надежды. Он ломался, бил зеркала, ныл и злился. Но он шёл вперёд. Через боль, через страх, через стыд.

Она понимала, что её миссия «спасти алкоголика ради контракта» давно переросла во что-то другое. Что-то более личное, более опасное и более настоящее. Она ловила себя на мысли, что смотрит на дверь кабинета не как врач на пациента, а как... Она не решалась закончить эту мысль. Но знала одно: она уже не сможет просто взять и уехать, когда его состояние стабилизируется. Потому что это было уже не только про его состояние. Это было про них обоих. Про два сломанных мира, которые, против всех ожиданий, начали

как-то цепляться друг за друга, находя в этих зацепах точку опоры.

Разговор с психологом шёл спокойно, он задавал простые вопросы, о том как прошёл день, о настроении. Питер отвечал, сдержанно, но всё же достаточно подробно.

— Значит сегодня у вас все получилось? — психолог что-то записывал в блокнот, а Питер недоверчиво поглядывал.

— Получилось, — как то сдавленно произнес Питер, разглядывая свои руки, точнее руку, перевязанную бинтом, — Я кажется решил одну проблему...

— Это же отлично, — психолог улыбнулся отложив ручку, — Но расскажите мне лучше о ваших руках.

— Не хочу, — с детским протестом произнёс мужчина, психологу пришлось лишь смириться, Питер расскажет, когда будет готов.

— Тогда закончим на этом, встретимся через два дня.

Питер вышел из кабинета на негнущихся ногах, слишком много всего, слишком тяжело.

— Лена, - позвал он девушку, та подняла взгляд, — Пойдем домой...

В такси на пути к дому оба молчали, не находили в себе сил что-то сказать. Пока не добрались до дома:

— Я сам уберу осколки, — с неожиданной твердостью в голосе проговорил Питер, — И сам куплю новое зеркало. Один.

Лена резко повернулась к нему, её глаза расширились. Это было не просто предложение. Это было заявление. О том, что он берёт на себя ответственность за последствия своего срыва. И, что важнее, — что он готов сделать это один.

— Хорошо, — медленно кивнула она, пряча внезапно нахлынувшую смесь облегчения и тревоги. — Но в перчатках. И я дам тебе специальный скотч, чтобы обклеить края, прежде чем выбросить. Не порежься снова.

— Договорились, — он открыл дверь квартиры и остановился на пороге, оглядывая чистую, наполненную вечерним светом гостиную. Здесь уже не было запаха отчаяния. Был просто... порядок. Хрупкий, но порядок. — И, Лена... спасибо, что не стала убирать это за меня. Сразу.

Она поняла, о чём он. Она могла бы вызвать клининг, избавиться от всех следов его взрыва. Но не сделала этого. Интуитивно оставила ему возможность разобраться с последствиями самому.

— Ты должен был увидеть это утром, — просто сказала она. — Чтобы помнить.

Он кивнул, и в его взгляде читалось понимание. Помнить не как о позоре, а как о точке, от которой он оттолкнулся.

Вечер прошёл тихо. Питер, вопреки ожиданиям, не замкнулся. Он сидел с ноутбуком, изучая документы по стройке, время от времени что-то пометая. Лена читала медицинский журнал, но мысли её постоянно возвращались к нему. К этой новой, непривычной сосредоточенности на его лице.

Перед сном он сам поставил стакан воды с электролитами на тумбочку в гостиной, где теперь спал на диване. Его комната комната пустовала, но он почему-то предпочитал оставаться в общем пространстве.

— Лена, — позвал он, когда она уже направлялась к своей комнате.

— Да?

— Завтра... не нужно будить на зарядку. Я сам встану. В семь. Как договорились.

Она замерла. Это было ещё одно, крошечное, но важное изменение. Переход от внешнего контроля к внутренней дисциплине.

— Хорошо, — сказала она. — Но если проспичь...

— Я не просплю, — ответил он с лёгкой тенью улыбки.
— Иначе потом будет стыдно перед тобой. А это, кажется, стало для меня похуже любого похмелья.

Срыв.

Утром Лена проснулась в шесть пятьдесят. Прислушалась. В квартире была тишина. Сердце ёкнуло — а вдруг он сорвался? Не выдержал? Она осторожно вышла в гостиную.

Питер стоял у балкона. Но не с сигаретой. Он просто стоял, опершись на перила, и смотрел на восходящее солнце. На нём были спортивные штаны и футболка. Он услышал её шаги и обернулся. Под глазами всё ещё были тени, но взгляд был ясным.

— Я уже сделал дыхательные упражнения, — сказал он.
— Разминку начинаю сейчас. Не мешай.

И он начал. Те же самые упражнения, которые она ему показывала. Медленно, сосредоточенно, без её команд. Он делал это сам.

Лена отвернулась и пошла на кухню готовить завтрак, чтобы он не видел, как у неё вдруг предательски задрожали губы. Это была не жалость. Это было что-то другое. Глубокое, щемящее чувство, от которого перехватывало дыхание.

После завтрака он действительно надел плотные перчатки, взял скотч и совок и отправился в ванную. Она слышала осторожный звук собираемых осколков, скрип скотча. Он делал это долго, тщательно. Потом вышел с плотно заклеенным пакетом.

— Я на пару часов, — сказал он, надевая куртку. — В

строительный, за зеркалом. И... мне нужно зайти в офис. Кое-что обсудить по вчерашним делам.

— Один? — не удержалась она.

— Один, — подтвердил он. — Алекс будет там. Он меня подстрахует, если что. Но... я должен.

Он смотрел на неё, ожидая её одобрения или, наоборот, запрета. Но она лишь кивнула.

— Будь осторожен.

Когда дверь закрылась за ним, в квартире воцарилась непривычная, гулкая тишина. Впервые за много дней она осталась одна. И поняла, как сильно привыкла к его присутствию. К этому тяжёлому, сложному, но живому присутствию.

Она подошла к окну и увидела, как он выходит из подъезда. Он шёл не шатающейся походкой пьяницы, а прямой, немного скованной, но уверенной походкой человека, у которого есть цель. Он не оглядывался.

И тогда Лена поняла самую страшную и самую прекрасную вещь: её миссия подходила к концу. Он учился спасать себя сам. А это означало, что скоро ей придётся уйти. И эта мысль причиняла боль, которой она никак не ожидала. Боль, сравнимую с той, что она ощущала, глядя на руины своей старой квартиры. Только теперь руинами грозило стать её собственное сердце, которое против воли начало отстраивать себя вокруг этого сложного, сломанного, но отчаянно борющегося человека.

Лена ошиблась, она поняла это в тот момент когда Питер вернулся в квартиру пошатываясь.

— Детка, я пришёл, — пьяный голос Питера был похлеще пощёчины, она осторожно выглянула в коридор.

Мужчина пытался справиться с обувью, в одной руке у него было зеркало, квадратное, завернутое в пленку, а в другой бутылка дорогого алкоголя, который видимо уже заканчивался.

— О, ты дома, — Питер улыбнулся непонятной, слегка неадекватной улыбкой, — Идём обниматься, я соскучился!

Всё внутри Лены превратилось в лёд. Она стояла, вцепившись в косяк двери, наблюдая, как этот человек, в котором она только что начала видеть проблески силы, снова разваливается на её глазах. Запах дорогого коньяка, смешанный с потом и отчаянием, ударил в нос.

Он протягивал к ней руки, держа в одной зеркало — символ обещанного исправления, а в другой — бутылку, символ падения.

— Питер, — её голос прозвучал чужим, металлическим. — Отдай бутылку.

— А что? — он притворно-обиженно надулся, пошатываясь на месте. — Это же... для праздника! Я же молодец! Зеркало купил! Работу сделал! Можно ведь?

— Нет, — четко проговорила девушка протягивая руку, — Отдай!

— Отдам, — поворчал мужчина и поставив зеркало на пол сократил дистанцию до Лены и обнял её, прижавшись, — Если ты вырываться не будешь...

— Питер, — голос сдавило от отчаяния, — Перестань.

— Не могу, — пьяный мужчина в полной неосознанности выпустил бутылку из рук и стал целовать девушку везде где дотягивался.

Лена в один момент оторопела, а потом ударила по болевым точкам, так как учили на курсах самообороны, Питер сжался в болезненный комок перед её ногами и закричал.

— Ты не сдержал слово, сорвался, — холодно проговорила девушка сжимая кулаки, — Но я тебя не обвиняю, ведь это болезнь.

Питер в одно мгновение протрезвел, осознав, что произошло:

— Прости, — сдавленно проговорил он, — Я...я не хотел... — слезы вдруг хлынули из глаз Питера, он не контролировал себя, не мог.

Лена стояла над ним, дыша рвано и часто, сжатые кулаки дрожали. Боль от его губ на своей коже горела, смешиваясь с ледяной яростью и... бесконечной, всепоглощающей жалостью. Перед ней лежал не насильник, а сломленный, рыдающий ребёнок, который только что осознал глубину своего падения. Он рыдал, сгорбившись на полу рядом с разбитой бутылкой, в луже дорогого коньяка, который теперь пах просто отравой. Его тело сотрясали спазмы, слёзы текли по ли-

цу, смешиваясь со следами её ударов.

— Прости... прости... я не хотел... не могу... не могу так больше...

Она сделала шаг назад, потом ещё один. Инстинкт кричал: «Убег! Запрись!». Но врач в ней видел пациента в состоянии острого психоза, смешанного с алкогольным опьянением и глубоким эмоциональным срывом. А та девушка, что до сих пор помнила его руки, несущие её... та девушка не могла его оставить.

«Это болезнь», — прошептала она про себя, повторяя как мантру. Но от этого не было легче.

Она подошла к кухне, налила стакан холодной воды, намочила полотенце. Вернулась и, осторожно, как к раненому зверю, опустилась рядом на колени.

— Пей, — сказала она твёрдо, поднося стакан к его губам.

Он пытался пить, давясь и захлёбываясь слезами. Она вытерла ему лицо мокрым полотенцем, резкими, но не жестокими движениями.

— Встань, — приказала она. — Не можешь сам — помогу. Но ты встаёшь и идёшь в ванную. Ты воняешь. Коньяком и страхом. Он, всё ещё рыдая, попытался подняться, опираясь на неё. Она встала, приняв его вес, и, стиснув зубы, повела в ванную. Посадила на край ванны, повернула кран с холодной водой.

— Умойся.

Он покорно сунул голову под ледяную струю, закашлялся,

заостал, но вода, смешиваясь со слезами, понемногу приносила отрезвление. Жестокое, горькое отрезвление.

Лена стояла у двери, скрестив руки на груди, наблюдая. Внутри всё кричало от боли и предательства. Он сорвался. Он напал на неё. Но худшим было не это. Худшим было то, что она поняла. Поняла этот отчаянный, пьяный, исковерканный порыв — не к насилию, а к единственному источнику тепла в его личном аду. К ней. И эта мысль была ужаснее всего.

Когда он наконец выключил воду и поднял на неё опухшее, покрасневшее лицо, в его глазах уже не было тумана. Там был чистый, неприкрытый ужас и стыд.

— Лена, я... я не знаю, что на меня нашло... Я...

— Молчи, — перебила она. Её голос был тихим, но таким острым, что он замолчал. — Соберись. И выйди.

Он выполнил, двигаясь как автомат. Вышел в гостиную в мокрых штанах и футболке, остановившись посреди комнаты, не зная, куда деться. Она указала на диван.

— Сиди.

Он сел. Она прошла на кухню, собрала осколки бутылки, вытерла пол. Каждое движение было резким, отрывистым. Потом взяла свёрток с зеркалом, прислонённый к стене, и принесла его в гостиную. Поставила перед ним на журнальный столик.

— Ты купил зеркало, — сказала она. — Как и обещал. И ты сорвался. Как я, в общем-то, и ожидала, но позже. Значит,

процесс идёт. Просто с откатом.

Он смотрел на свёрток, потом на неё.

— Как ты можешь так... спокойно?

— Я не спокойна, — её голос дрогнул, выдавая напряжение. — Я в ярости. Я в ужасе. Мне противно. Но я также вижу биохимический сбой в твоём мозгу, усугублённый стрессом и старой травмой. Ты не справился с давлением «нормальности». Сорвался на самый простой и быстрый способ бегства. А потом, в опьянении, попытался найти подтверждение, что ты ещё живой, ещё способен что-то чувствовать... самым примитивным способом. Я это вижу. Но это не оправдание. Это объяснение. И оно не делает мне менее больно.

Он закрыл лицо руками.

— Уходи, — прошептал он. — Пожалуйста, просто уходи. Возьми свой контракт, устройся в больнице и забудь. Я... я чудовище. Я всё испортил.

— Да, испортил, — согласилась она. — Испортил сегодняшний день. Возможно, и моё доверие. Но ты не испортил всего. Потому что неделю назад ты бы не купил зеркало. Ты бы не пошёл в офис. Ты бы просто напился и не помнил ничего. А сегодня ты помнишь. И тебе стыдно. Это — прогресс.

Он смотрел на неё, не веря своим ушам.

— Ты... останешься? После... этого?

— Не знаю, — честно ответила она. Её собственные чув-

ства были спутанным клубком. — Но я не уйду сегодня ночью. Потому что сейчас у тебя абстиненция, смешанная с острым чувством вины. Это опасная комбинация. А я всё ещё твой врач. Дежурный врач.

Она села в кресло напротив, отгораживаясь от него пространством и холодом в голосе.

— Теперь слушай. Ты выпьешь успокоительное, которое я тебе дам. Ты ляжешь спать. Завтра мы выбросим это зеркало. Вместе. Потому что старое зеркало разбил ты в гневе на себя. А это... это зеркало куплено в день срыва. Оно тоже должно уйти. А потом мы купим новое. Когда ты будешь действительно готов в него смотреть. Понял?

Он кивнул, не в силах вымолвить ни слова.

— А теперь... — её голос наконец сломался, — если ты ещё раз тронешь меня без моего разрешения, я сломаю тебе руку. По-настоящему. Не как сегодня. Понял?

— Понял, — выдохнул он, и в этом слове была вся его сокрушённость.

Она дала ему таблетку, проследила, чтобы он лёг, и ушла в свою комнату. Закрыв дверь, она прислонилась к ней и, наконец, позволила себе затрястись. Слёзы текли по щекам беззвучно. От злости, от страха, от жалости и от страшного понимания: она пересекла черту. Она уже не могла относиться к нему только как к пациенту. Произошло что-то непоправимое. И ей теперь предстояло решить — сможет ли она когда-нибудь простить этот срыв, это пьяное, отчаянное

нарушение её границ. И сможет ли она отделить болезнь от человека, которого, против всей логики и воли, всё ещё любила. В том, прежнем, и в этом, сломанном, но всё ещё борющемся.

Стыд.

Утро встретило Питера стыдом, головной болью и сигаретой на балконе. Мужчина ощущал себя ущербным, ещё хуже, чем до этого.

— Лена? — он постучался в гостевую комнату, когда девушка не вышла на зарядку, эту глупую, никому не нужную зарядку. — Открой.

Голос сравнимый с мольбой, но не него не отвечали. Пришлось действовать по-другому. Питер заказал в доставке цветов — лилии. Он смутно помнил, что Лена их любила. Когда доставщик был возле дома, Питер специально громко хлопнул дверью в свою комнату и притих, ожидая звонка в дверь, ведь только она могла её открыть. Громкий, настойчивый звонок разорвал тишину квартиры. Питер замер, прислушиваясь. Из гостевой комнаты наконец-то слышались шаги. Медленные, тяжёлые.

Он приоткрыл дверь своей комнаты ровно настолько, чтобы видеть прихожую. Лена открыла дверь. Курьер вручил ей огромный, изящный букет белых лилий. Она взяла его автоматически, её лицо было бледным и закрытым.

— Спасибо, — её голос прозвучал глухо.

Она закрыла дверь, какое-то время просто стояла с цветами в руках, глядя на них с таким выражением, будто держала не букет, а бомбу. Потом медленно повернулась и прошла

на кухню. Питер услышал звук открывающегося мусорного ведра, а затем — глухой удар. Она выбросила их. Не раздумывая.

Его сердце упало. Это был жест, понятнее любых слов. Её прощения не купить. Не заслужить показным раскаянием.

Он вышел из своей комнаты, остановившись в дверном проёме кухни. Лена стояла у окна, спиной к нему, скрестив руки на груди.

— Я не хотел... — начал он, но она перебила, не оборачиваясь.

— Знаю. Ты хотел сделать приятно. Или замять конфликт. Это неважно.

Она повернулась. Её глаза были красноватыми от недосыпа, но сухими и холодными.

— Цветы — для девушек, которых обидели случайно. В ссоре. Не для... для того, что было вчера. Это пустая трата денег и пустой жест. Не надо, Питер.

— Что же мне делать? — спросил он, и в его голосе снова зазвучала та самая, детская беспомощность, которая была ему теперь ненавистнее всего.

— То, что мы и так должны были сделать, — ответила она. — Убрать осколки вчерашнего дня. В прямом и переносном смысле. Бери скотч и совок. Зеркало — в мусор. Вместе. Она говорила не как надзиратель, а как человек, выполняющий неприятную, но необходимую работу. Он кивнул, не в силах возражать.

Они молча обклеили скотчем свёрток с новым зеркалом — символом несбывшегося обещания — и вынесли его к мусорным бакам. Потом вернулись и вымыли пол в прихожей, где оставался едва уловимый запах коньяка.

Работая рядом с ней, в гнетущем молчании, Питер чувствовал, как стыд прожигает его насквозь. Но была и странная благодарность за то, что она дала ему этот шанс — не словом, а делом — искупить хоть крупицу.

Когда они закончили, Лена налила себе чай и села за стол. — Присядь, — сказала она. Не приказала. Предложила. Он сел, ожидая приговора.

— Я не уезжаю, — начала она, глядя на пар от чашки. — Пока. Не потому, что простила. А потому, что твой срыв — часть процесса. Предсказуемая часть. Я должна была быть к этому готова, но не была. Это моя ошибка.

— Твоя?! — он вскочил. — Какая же это твоя ошибка?!

— Я слишком резко отпустила поводья. Подумала, что ты готов к самостоятельности. Ты был к ней не готов. Тебе нужен был более жёсткий контроль после такого напряжённого дня. Я, как твой временный ответственный, не обеспечила его. Так что технически — да, моя ошибка.

Он смотрел на неё, поражённый. Она брала на себя часть вины, но делала это так холодно, по-врачебному, что от этого не становилось легче.

— Но это не снимает с тебя ответственности за твои действия, — продолжала она, наконец подняв на него взгляд. —

Ты нарушил два ключевых правила: «не пить» и «уважать мои границы». За второе — я уже ответила. За первое... последствия ты чувствуешь сам. И будешь чувствовать ещё пару дней.

Она отпила чай.

— Поэтому режим ужесточается. Никаких самостоятельных вылазок. Никаких звонков без моего ведома. Каждые два часа — отчёт о том, где ты и что делаешь, если мы не в одной комнате. Тотальный контроль. До тех пор, пока я не решу, что ты снова можешь нести ответственность за свои импульсы. Согласен?

Это был не вопрос, а условие. Суровое, почти тюремное. Но честное.

— А если не соглашусь? — тихо спросил он.

— Тогда я звоню Алексу, говорю, что не справляюсь. Мы вызываем частную бригаду, и тебя забирают в клинику на принудительное лечение. Твой брат узнает всё. Это — план Б.

Он сглотнул. Клиника. Брат. Позор.

— Ладно, — прошептал он. — Согласен.

— Хорошо. Тогда начинаем сейчас. Иди, сделай дыхательные упражнения. Сам. А потом — душ. Ты всё ещё во-няешь вчерашним днём.

Он покорно пошёл выполнять. И, странное дело, этот жёсткий, почти унижительный режим был... облегчением. Как будто с него снова сняли непосильную ношу выбора и от-

ветственности, которую он вчера не смог понести. Он снова был в чётких, пусть и тесных, рамках. И в этих рамках можно было дышать. Пусть и под неусыпным взглядом этой невероятной, жестокой и спасительной женщины, которая теперь смотрела на него не с гневом, а с холодной, профессиональной отстранённостью. И это было, возможно, большее всего.

— Что дальше? — растерянный вопрос словно в никуда, после дыхательных упражнений, после зарядки, Питер снова чувствовал себя сдавленным, не готовым принимать решения.

— Теперь мы поедим, — спокойно произнесла девушка доставая из холодильника продукты, — Порежь капусту, уж на этот-то ты способен?

Питер медленно кивнул, он ничего не говорил, было не нужно. Шинкуя капусту дрожащими руками, мужчина понимал, что возможно еще не все потеряно.

Лена наблюдала за тем, как он справляется с ножом. Движения были неуверенными, руки всё ещё дрожали от абстиненции и нервного напряжения, но он старался. Концентрация на простом, физическом действии — шинковке капусты — казалось, немного успокаивала его. Он делал что-то конкретное, осязаемое. Что-то, что не требовало сложных решений.

Они готовили завтрак молча, но это молчание уже не было ледяным. Оно было рабочим, сосредоточенным. Она делала омлет, он резал овощи для салата.

Когда сели за стол, Питер не сразу притронулся к еде. Он смотрел на свою тарелку, потом на её руки, спокойно державшие вилку.

— Я испортил всё, не так ли? — спросил он наконец, почти не надеясь на ответ.

— Ты испортил вчерашний вечер, — поправила она, не глядя на него. — Не всё. Процесс восстановления — это не прямая линия вверх. Это зигзаг. С откатами. Вчера был откат. Сегодня мы снова начинаем подъём. Вот и всё.

Он покачал головой.

— Нет, не вот и всё. Я... я тебя напугал. Оскорбил. После этого... как ты можешь просто сидеть здесь и есть со мной омлет? Она отложила вилку и посмотрела на него прямо. В её взгляде не было ни страха, ни нежности. Была усталая решимость.

— Потому что я разделяю человека и болезнь, Питер. Вчера вечером на меня напал не ты. На меня напала твоя болезнь, твоя боль, твоя паника, усиленная алкоголем. Ты, настоящий, — вот он. Сидит напротив и режет капусту с таким видом, будто от этого зависит судьба мира. Я злюсь на болезнь. Мне страшно от её проявлений. Но я всё ещё здесь, потому что верю, что человек сильнее.

Он слушал, и в его глазах медленно вспыхивала слабая искра. Не надежды даже. Скорее, понимания. Она не оправдывала его, не снимала вину. Она просто констатировала факт, давая ему шанс не слиться воедино со своим срывом.

— И что теперь? — снова спросил он, но уже другим тоном. Не растерянным, а вопрошающим.

— Теперь — режим, — повторила она. — Чёткий, жёсткий, как в армии. На неделю как минимум. Ты будешь делать то, что я говорю, когда я говорю. Мозг должен привыкнуть к новой схеме: стресс — не бутылка, стресс — действие, решение задачи, даже самой мелкой. Как порезать капусту. Съесть завтрак. Пойти на прогулку. Посмотреть в окно и назвать пять предметов зелёного цвета. Всё, что угодно, кроме саморазрушения.

Он кивнул, на этот раз с какой-то твёрдостью.

— Договорились.

— После завтрака — уборка. Полная. Ты моешь полы. Я вытираю пыль. Потом — два часа на работу с документами по стройке. Я буду рядом. Потом — звонок психологу, чтобы перенести сеанс. Мы расскажем ему, что произошло. Потом — прогулка. Вечером — лёгкий ужин и сон по расписанию. Всё по минутам.

Он слушал этот распорядок, и это было как глоток свежего воздуха после удушья. Никаких неясностей. Никаких пугающих свобод. Только последовательность простых, выполнимых действий.

И он выполнял. Мытьё полов превратилось в медитацию. Работа с документами — в спасение от собственных мыслей. Звонок психологу был мучительным, но Лена сидела рядом, и он, запинаясь, рассказал о срыве. Психолог спокойно отве-

тил: «Жду вас завтра. Будем разбирать триггеры».

На прогулке они шли не в парк, а просто по кварталу, размеренным шагом. Питер вдруг сказал:

— Знаешь, что самое страшное было вчера? Не то, что я напился. А то, что в какой-то момент... мне показалось, что так и должно быть. Что это и есть моя натура. И что все эти дни... была просто иллюзия. Лена не стала его перебивать.

— А сегодня, резал капусту... подумал, что, может, и иллюзия — это как раз падение. А норма — вот это. Просто резать капусту. Дышать. Делать то, что нужно.

— Возможно, — сказала Лена. — Норма — это не про отсутствие падений. Это про то, чтобы уметь подниматься. И про то, чтобы просить помощи, если сам не можешь.

Он посмотрел на неё, и в его взгляде было столько благодарности, что ей стало неловко.

— Не смотри так, — буркнула она, ускоряя шаг. — Я всё ещё в ярости на тебя.

— Знаю, — он догнал её. — И это правильно. Вечером, когда они вернулись, в квартире пахло чистотой и приготовленной едой. Не было ни цветов, ни зеркал, ни бутылок. Был только порядок. Хрупкий, выстраданный порядок.

Перед сном Питер, стоя в дверях гостиной, сказал:

— Спасибо, Лена. За то, что не сдалась. Даже когда... особенно когда — я сам уже сдался. Она кивнула, не находя слов. Потом закрыла дверь своей комнаты и прислонилась к ней. Она всё ещё злилась. Всё ещё боялась. Но сквозь эту

бурю чувств пробивалось что-то ещё — странная, непоколебимая уверенность, что они оба на правильном пути. Самом трудном из всех возможных.

Текст...

Чтобы не быть достойным.

— Так что вы думаете случилось, из-за чего если быть точнее?

Снова серьезный мужчина в очках спрашивал о личном, и снова Питер сидел напротив него стараясь расслабиться.

— Возможно слишком много свободы, я был к ней не готов.

— Свобода? Какое интересное слово. И что же было в этой свободе?

— Работа, — Питер сморщился вспоминая встречу, — Их осуждающие взгляды...

— А может быть вам просто казалось, что они вас осуждали?

— Казалось? — Питер удивился на мгновение и тут же скривился, — Нет, они чувствовали недостойного человека перед собой, того кто просрал свою жизнь...

Психолог мягко покачал головой, не записывая ничего в этот раз.

— «Просрал свою жизнь» — это очень сильная, очень конкретная оценка. Чья это оценка, Питер? Их? Или ваша собственная, которую вы проецируете на них?

Питер замер, словно его ударили. Он открыл рот, чтобы возразить, но слова застряли. Он смотрел перед собой, не видя кабинета, а видя те самые лица в офисе. Растерянные,

удивлённые, даже испуганные... но были ли они осуждающими? Или это он сам читал в них осуждение, потому что ожидал его? Потому что сам себя уже давно осудил и приговорил?

— Я... — его голос сорвался. — Не знаю.

— Давайте представим иначе. Вы пришли, неожиданно для всех, включая себя. Вы были бледны, нервны, ваши руки дрожали. Но вы задавали вопросы. По делу. Вы вскрыли серьёзную проблему с поставками, на которую они закрывали глаза. Что они могли чувствовать в этот момент, кроме растерянности? Может быть, даже... страх? Потому что появился тот, кто может спросить с них по-настоящему.

Питер медленно переваривал эти слова. Страх? Не презрение, а страх? Это переворачивало всё с ног на голову.

— Они боялись меня?

— Возможно. Или, как минимум, той ответственности, которую вы олицетворяли. А вы, чувствуя их напряжение, тут же списали его на своё «недостойное» состояние. И тогда... что стало самым простым способом сбежать от этого чувства? От этой давящей, пугающей ответственности и собственного стыда?

— Выпить, — прошептал Питер, удивляясь, — И тогда я выпил. чтобы стать снова недостойным!

— Именно, вот мы и добрались до простой истины... До простой и страшной истины, — тихо закончил психолог. — Вы боитесь быть достойным. Потому что быть достойным —

значит нести ответственность. За компанию, за людей, за себя. А быть «недостойным», «просравшим всё» — это, как ни парадоксально, комфортная позиция. С вас меньше спрашивают. Вы оправдываете своё бездействие. И алкоголь — идеальный инструмент для этого. Он моментально возвращает вас в эту удобную, привычную роль жертвы, за которую никто не ждёт ничего хорошего.

В кабинете воцарилась тяжёлая тишина. Питер сидел, сгорбившись, словно эти слова физически давили на него. Они резали правдой, сильнее любого обвинения.

— Это... мерзко, — выдохнул он наконец.

— Это — защитный механизм, — поправил психолог. — Очень мощный и разрушительный. И теперь, когда мы его видим, мы можем с ним работать. Не со «спивающимся неудачником», а с человеком, который боится собственной силы и успеха. Это уже другая история. Более сложная, но и более честная.

Питер вышел из кабинета не опустошённым, а оглушённым. Как будто с него сорвали грязный, прилипший плащ, под которым оказалась не гниющая плоть, а просто старая, незажившая рана. Болезненная, но... настоящая.

Лена ждала его в коридоре. Она посмотрела на его лицо — не было ни злости, ни стыда, только глубокая, сосредоточенная задумчивость.

— Как? — осторожно спросила она.

— По-другому, — ответил он, медленно подбирая слова.
— Он сказал... что я боюсь быть нормальным. Потому что тогда придётся отвечать. А так... так проще.

Он посмотрел на неё, и в его глазах читалось отчаянное желание, чтобы она его поняла.

— Я не специально, Лена. Я просто... привык к роли несчастного. Она стала моим домом. Она кивнула, не выражая ни осуждения, ни жалости.

— Дом можно перестроить. Если есть фундамент. А он, кажется, есть. Ты же сегодня утром опять капусту резал без напоминаний.

На его губах дрогнуло что-то вроде улыбки.

— Да. Резал.

По дороге домой он был молчалив, но не угрюм. Он что-то обдумывал. Когда они зашли в квартиру, он не потянулся к балкону за сигаретой. Он подошёл к окну и просто постоял, глядя на улицу.

— Знаешь, — сказал он наконец, не оборачиваясь. — Я думаю, мне нужно позвонить брату. Не по делу. Просто... позвонить. Сказать, что я... в процессе. Что бывают срывы. Но что я в процессе.

Лена замерла у стола, где раскладывала привезённые Анной витамины. Это было огромно. Признание перед тем, чьё мнение для него было важнее всего.

— Ты уверен?

— Нет, — честно ответил он. — Но я должен. Иначе...

иначе я так и буду бояться его разочарования больше, чем хотеть его поддержки. А я... я, кажется, хочу поддержки. Он взял телефон, долго смотрел на экран, потом вышел на балкон — на этот раз без сигареты — и закрыл за собой дверь.

Лена не стала подслушивать. Она принялась готовить ужин, но всё её существо было напряжено, прислушиваясь к приглушённым звукам за стеклом. Она слышала обрывки фраз: «Да... лучше... Сорвался, но... Нет, не надо приезжать... Справляюсь... Она помогает...»

Разговор длился недолго. Когда Питер вернулся, его глаза были влажными, но лицо — светлым, каким-то разглаженным.

— Он сказал... что гордится мной. За то, что признал проблему и борюсь. И что ему, чёрт возьми, надоело делать вид, что всё в порядке, когда он знал, что я убиваю себя. Питер сел на диван, опустив голову на руки.

— Боже, Лена... я столько времени потратил на то, чтобы прятаться от него... А он просто ждал, когда я попрошу о помощи.

Он плакал. Тихо, без рыданий. Это были слёзы не отчаяния, а облегчения. Слёзы человека, который наконец-то сбросил один из самых тяжёлых грузов — груз самообмана о том, что его никто не любит и не ждёт.

Лена подошла и села рядом, не касаясь его. Просто давая понять, что она здесь.

— Дом перестраивается, — тихо сказала она. — По кир-

пичику. Иногда кирпичи падают. Но фундамент, оказывается, крепкий. Он кивнул, вытирая лицо.

— Спасибо, — прошептал он. — За то, что дала мне время его рассмотреть.

В этот вечер режим соблюдался не из-под палки, а по взаимному согласию. Они смотрели какой-то незамысловатый фильм, и Питер впервые за долгие годы засмеялся над глупой шуткой. Звук был тихим, хрипловатым, но это был смех. Настоящий. Перед сном он остановился у двери её комнаты.

— Завтра, — сказал он, — я хочу купить зеркало. Настоящее. И повесить его. Сам. Она посмотрела на него, изучая его лицо. Видела остатки стыда, усталость, но и твёрдое решение.

— Хорошо, — согласилась она. — Я пойду с тобой. Но выбирать будешь ты.

Он кивнул и ушёл в гостиную. Лена осталась стоять в дверях, понимая, что сегодняшний день, начавшийся с выброшенных лилий, закончился чем-то гораздо более важным, чем примирение. Он закончился рождением нового понимания. И у неё самой внутри что-то необратимо сдвинулось. Грань между долгом и чувством, между врачом и женщиной, окончательно стёрлась. Она больше не могла себя обманывать. Она не просто спасала его. Она возвращала к жизни человека, без которого её собственная жизнь, внезапно и нелепо, стала казаться пустой. И это было страшнее любой бутылки, любого срыва. Потому что это было уже навсегда.

Новости.

— Квартира как-то преобразилась, — заметил Алекс осматриваясь.

Он не видел друзей больше месяца. В ванной висело новое зеркало, на кухне была новая посуда (Питер в порыве скрытой ярости на самого себя разбил старый сервиз), в доме пахло цветами.

— А где же хозяин жилплощади? — Алекс недоверчиво покосился на Лену, которая спокойно пила чай.

— Сказал, что у него есть дела, ушёл ненадолго.

— И ты его просто так отпустила?

— Слежу по GPS, — Лена подняла телефон, где точка светила в районе бутиков с одеждой, — Никаких подозрительных передвижения замечено не было.

Девушка была напряжённая и сосредоточенная, она первый раз после случая с зеркалом и коньяком отпустила Питера одного после тотального контроля.

— Хах, — Алекс немного расслабился, он был с женой в летнем отпуске и много пропустил, — Пит ходит в офис? Что-то мне никто не позвонил на отдыхе.

— Иногда, не на долго, — уклончиво ответила Лена, — Вместе со мной.

— Очень интересно, — Алекс расплылся в подозрительной улыбке, — Я к тебе с хорошей новостью, ты сможешь

выйти на работу раньше... уже на следующей неделе!

Лена оторвалась от телефона и взглянула на Алекса, это была великолепная новость! Она наконец сможет начать хирургическую практику. Вместе с предложением места было предложено общежитие, но... От дома Питера до больницы, до места её будущей работы, где-то час езды. Да придётся вставать раньше, да возможно иногда будет не хотеться идти на работу, но... нельзя его было сейчас бросать!

— Я вернулся, — Питер зашёл домой с пакетом, улыбаясь, что было редкостью для него.

— О боже! Ты помолодел лет на десять! — Алекс подскокил к нему.

Питер действительно выглядел лучше, цвет кожи улучшился, мышцы обрели тонус, и руки уже почти не тряслись. Он вернулся с парикмахерской, где полностью избавился от щетины и отрезал большую часть волос сделав себе модную стрижку. А самое главное, что пакет не гремел бутылками, в нём была свежая вкусно пахнущая выпечка. Лена молча наблюдала, как Алекс хлопает Питера по плечу, восхищаясь преображением. Внутри у неё бушевали противоречивые чувства. Радость от новости о работе смешивалась с холодной тревогой. Она поймала на себе взгляд Питера. Он улыбался, но в его глазах читался немой вопрос: «Всё в порядке?»

— Выпечку на стол, герой, — скомандовал Алекс. — Лена, у тебя же праздник! Работа мечты! Почему ты не раду-

ешься?

— Я радуюсь, — автоматически ответила Лена, заставляя себя улыбнуться. — Просто... обдумываю детали.

Питер, раскладывая печенье на тарелке, насторожился. Он уловил фальшь в её голосе.

— Какие детали? — спросил он, стараясь звучать нейтрально.

— Ну, общежитие, график... — начал Алекс, но Лена его перебила.

— Я не буду жить в общежитии, — чётко заявила она. Все взгляды устремились на неё. — Я остаюсь здесь. Пока... пока Питеру не понадобится полная самостоятельность.

В комнате повисло молчание. Алекс смотрел то на одного, то на другого, и его улыбка медленно сползала с лица, сменяясь пониманием. Питер замер с печеньем в руке. Его лицо стало непроницаемым.

— Лена, это неразумно, — осторожно начал Алекс. — Ехать каждый день час — это ад. Ты будешь выматываться. А здесь... — он махнул рукой, — ты и так уже сверхчеловек. Он уже на ногах.

— Он на ногах, но не выздоровел полностью, — возразила Лена, глядя прямо на Питера. — Рецидивы возможны ещё долго. Ему нужна поддержка. И... наблюдение. Я брала на себя ответственность. Я её несу до конца.

Она говорила это уверенно, но внутри всё сжималось в комок. Она боялась его реакции. Боялась, что он воспримет

это как недоверие, как желание контролировать.

Питер медленно поставил тарелку на стол. Он не смотрел на Алекса. Только на неё.

— Тебе не нужно жертвовать ради меня своей карьерой, — сказал он тихо. — Ты сделала уже больше, чем кто-либо. Алекс прав. Я... я справлюсь.

Но в его голосе не было убеждённости. Была та самая, знакомая Лене, трещина страха — остаться одному с этой новой, ещё такой хрупкой версией себя.

— Это не жертва, — отрезала она. — Это логичное завершение лечения. Я твой лечащий врач, Питер. А врач не бросает пациента на полпути. И точка. Это моё профессиональное решение.

Она вложила в эти слова всю свою хирургическую непреклонность, не оставляя места для споров. Алекс понял, что дискутировать бесполезно, и лишь вздохнул.

— Ладно, железная леди. Как скажешь. Но если что — у меня есть диван. Или Пит может ко мне переехать.

— Никуда я не переезжаю, — Питер покачал головой, и в его глазах вдруг вспыхнула та самая упрямая искра, которую Лена начала узнавать. — Если она остаётся... значит, так надо. А по поводу езды... — он повернулся к Лене, — у меня есть машина. Я буду отвозить тебя на работу. И забирать. Если, конечно, графики совпадут. И если ты не против.

Это было неожиданно. Предложение не просто принять её жертву, а встретить её на полпути. Взять на себя часть

ответственности за её комфорт.

Лена смотрела на него, и ледяная скорлупа вокруг её сердца дала трещину.

— Ты уверен? Это... дополнительные стрессовые ситуации, пробки.

— Меньший стресс, чем знать, что ты тащишься на трёх автобусах после двенадцатичасовой смены, — парировал он.

— Давай попробуем. Как часть... реабилитации. Социальной.

Алекс, наблюдая за этим обменом, медленно улыбнулся. Он видел то, чего, возможно, не видели они сами: как они, два сломленных человека, выстраивают вокруг себя не просто систему лечения, а новую, общую реальность. Со своими правилами, обязательствами и зарождающейся, невысказанной нежностью.

— Ну, раз вы всё так красиво распланировали, — встал Алекс, — я пойду. Анна ждёт. Лена, поздравляю с работой. Питер... браво. Держись. И... будьте осторожны. Оба.

Когда дверь закрылась, в квартире наступила тишина. Питер подошёл к окну, глядя на удаляющуюся машину Алекса.

— Ты правда хочешь так мучиться из-за меня? — спросил он, не оборачиваясь.

— Я не мучаюсь, — ответила Лена, подходя ближе. — Я делаю то, что считаю правильным. Как и ты, когда предложил возить меня.

Он повернулся к ней. Его свежевыбритое лицо, короткие

волосы — он выглядел почти незнакомым. Но глаза были теми же. Глубокими, полными боли и надежды.

— Я боюсь, что ты пожалеешь. И возненавидишь меня за то, что связала со мной свою жизнь.

— Моя жизнь уже связана с тобой, — тихо сказала она. Это была правда, от которой у неё перехватило дыхание. — С того самого дня, как я зашла в эту вонючую квартиру. И я не жалею. Даже после... всего. Потому что вижу результат.

Он неловко, медленно протянул руку и коснулся её пальцев. Не сжимая, просто прикоснулся.

— Спасибо, — прошептал он. — За то, что веришь. Даже когда я сам не верю.

Она не отняла руку. Просто стояла, чувствуя тепло его пальцев. Дорога впереди была долгой и трудной. С рецидивами, сомнениями, с её изматывающей работой и его борьбой с самим собой. Но в этой тихой квартире, пахнувшей свежей выпечкой и надеждой, они заключили новое, негласное соглашение. Не контракт, а договор. Два уцелевших обломка, решивших скрепить друг друга, чтобы плыть дальше. Не зная, куда приплывут, но точно — вместе.

Собеседование.

— Какое платье лучше выбрать?

Утро понедельника, как и всегда, встретило Питера чашкой кофе на балконе и сигаретой, мыслями о сегодняшнем трудном дне. А потом зарядка, конечно, как ритуал очищения от ненужных мыслей. Уже заканчивая, а именно стоя в планке не какие-то жалкие тридцать секунд, а практически две минуты, он увидел босые ноги и услышал вопрос.

— Не игнорируй меня, мне нужен совет, — Лена была немного взвинчена, ей предстояло пойти на собеседование, пусть это была лишь формальность, но знакомство с начальством и коллегами было важно, и хотелось произвести хорошее первое впечатление.

Питер сел на пол смотря на два платья в руках девушки — одно синее, другое чёрное.

— Лучше синее, — наконец проговорил мужчина, поднимаясь с пола, — Я сделаю завтрак.

Забота об этой неугомонной женщине лилась через край, ему хотелось что-нибудь для неё сделать, пусть это даже будет варёное яйцо и бутерброд с рыбой.

— Ты какая-то напряжённая, — заметил Питер, доедая завтрак на кухне чуть позже.

— У меня собеседование, — отрезала Лена, накладывая

себе ещё немного салата. Голос был ровным, но пальцы слегка постукивали по столу. — И это не просто «формальность». Это моя новая жизнь. Я не была в операционной как хирург почти полгода. А там... там всё может измениться. Новые протоколы, новые люди, которые будут смотреть на меня как на провинциалку, которая вкатилась по блату.

Она говорила это скорее себе, выговариваясь, но Питер слушал внимательно, отложив вилку.

— Слушай, — начал он осторожно. — Ты... ты же лучшая. Я не просто так говорю. Помнишь, в школе, на олимпиадах? Ты всегда была первой. И в меде, наверное, тоже. Ты вгрызалась в книги, как никто другой. Так что если там кто-то и будет «вкатываться по блату», так это те самые новые люди, которые не знают, с кем имеют дело.

Лена подняла на него удивлённый взгляд. Он редко говорил так много и так... поддерживающе.

— Ты веришь в это?

— Я верю фактам, — он пожал плечами. — Ты за несколько недель подняла с того света человека, который был в гораздо худшем состоянии, чем любая хирургическая патология. Справилась с его срывами, истериками, разбитыми зеркалами и... — он запнулся, — всем остальным. Если ты смогла со мной справиться, то с аппендицитом или переломом — точно разберёшься. Это просто техническая работа.

В его словах не было лести. Была простая, железная логика, и от этого они звучали убедительнее любой похвалы.

Уголки губ Лены дрогнули в слабой улыбке.

— Спасибо. Хоть кто-то в меня верит.

— Я не «кто-то», — он встал, чтобы убрать тарелки. — Я твой главный свидетель восстановления. И персональный водитель на сегодня. Так что собирайся в своём синем платье. Я через пятнадцать минут готов.

Он говорил это с такой лёгкой, почти шутливой уверенностью, что напряжение у Лены понемногу спало. Он был прав. Она справлялась с куда более сложными вещами.

Когда она вышла из комнаты уже одетая, Питер замер на секунду, прислонившись к шкафчику кухни. Синее платье было простого кроя, но оно идеально сидело на ней, подчеркивая и строгость, и... что-то ещё, что заставляло его сердце биться чаще.

— Что? — спросила она, поправляя прядь волос.

— Ничего. Идём. Ты выглядишь... профессионально. И пусть они это оценят.

В машине царило сосредоточенное молчание. Питер вёл осторожно, без привычных резких манёвров, будто везёт хрупкий груз. Лена смотрела в окно, мысленно повторяя возможные вопросы.

— Знаешь, — внезапно сказал Питер, останавливаясь на светофоре. — Если они начнут задавать дурацкие вопросы или смотреть свысока... просто представь, что имеешь дело со мной в первый день. Со мной, орущим, воняющим и разбивающим зеркала. После этого любой начальник покажется

милым котёнком.

Лена фыркнула, неожиданно для себя.

— Ужасный совет.

— Но работающий, — он улыбнулся, и это было почти то самое, старое, беззаботное выражение лица. Светофор переключился на зелёный. — Удачи, доктор. Я буду ждать здесь.

Он припарковался у больничного комплекса и выключил двигатель. Лена взялась за ручку двери, но задержалась.

— Спасибо. И... не кури тут много, пока ждёшь.

— Даю слово, — он поднял руку, как скаут. — Только кофе. И, может, пару нервных кругов вокруг машины.

Она кивнула и вышла. Питер смотрел, как она, прямая и уверенная, скрывается за стеклянными дверями. И поймал себя на мысли, что гордится ею. Сильнее, чем когда-либо гордился чем-либо в своей жизни, включая собственные прошлые успехи. В этой гордости не было зависти. Было странное, тёплое чувство причастности. Как будто её победа была отчасти и его победой. Победой над тем мраком, в котором они оба тонули.

Он действительно не курил. Он пил кофе из термоса, слушал музыку и просто ждал. Не с нервной дрожью, а с терпеливым спокойствием. Он был её тылом. Её точкой опоры в этот важный день. И в этом была новая, непривычная и очень прочная ответственность, которая, как он начинал понимать, держала его на плаву лучше любого якоря.

— Диплом выше всяких похвал и отзывы с практик неплохие, — Лена понимала что всё серьезно, но не думала что настолько, не думала что её документы будет смотреть лучший хирург города, а может и страны, взрослая серьёзная женщина, — Мы Вас конечно же берём, людей не хватает, но учтите если будет что-то не так...

— Я справлюсь, — в голосе девушки звучала твёрдость убеждения, и взгляд доктора напротив потеплел.

— Что ж приступаете к работе завтра, первое время график будет с восьми до шести, потом более конкретно распределим по дням, возможны ночные смены, это вас не пугает?

Лена ответила отрицательно, конечно её ничего не могло напугать, уже не терпелось приступить к работе. Доктор позвала медсестру и так с улыбкой проводила девушку к коллегам. Двое взрослых и один молодой мужчина смотрели на неё недоверчиво, они не могли поверить, что такая симпатичная женщина могла быть хорошим специалистом:

— Время покажет, слышал, вас Алекс порекомендовал, — хмыкнул молодой хирург, и Лена кожей ощутила его пренебрежение.

После она прогулялась по больнице, осматриваясь, стараясь быстрее привыкнуть. А в комнате отдыха заметила смутно знакомую фигуру:

— Неужели это ты Давид? Сколько лет, — мужчина сонно приоткрыл глаза увидев перед собой бывшую одноклассницу.

— О, Лена, действительно много времени прошло! — он поднялся с места и слегка приобнял девушку, на его пальце красовалось обручальное кольцо, — А я тут в чужих мозгах ковыряюсь.

— Самый умный человек в школе теперь ковыряется в чужом мозге? Очень интересно...

Их разговор прервал резкий звонок телефона Давида. Он взглянул на экран и тут же преобразился, лицо стало сосредоточенным, профессиональным.

— Извини, Лен, вызов. Очередной ЧМТ. Увидимся позже, обязательно пообщаемся! — Он уже почти бежал к двери, но обернулся. — И не обращай внимания на Марка, того молодого хирурга. Он ревнует ко всем новым и талантливым. Особенно к симпатичным. Ты справишься.

Он исчез, оставив Лену одну в комнате отдыха со смешанными чувствами. Старый друг, работающий здесь, — это было неожиданно и приятно. Но предупреждение насчёт Марка засело в сознании колючкой.

Она вышла на улицу, и первое, что увидела, — Питер, который нервно шагал взад-вперёд у машины. Увидев её, он мгновенно замер, и его лицо отразило целую гамму эмоций: тревогу, надежду, ожидание.

— Ну что? — спросил он, когда она подошла ближе. — Устроили на работу уборщицей?

— Нет, — она позволила себе улыбнуться, чувствуя, как напряжение собеседования наконец отпускает. — На долж-

ность хирурга. С завтрашнего дня. С восьми до шести.

Питер выдохнул с таким облегчением, будто это его самого взяли на работу. И тут же нахмурился.

— Восемь утра... значит, выезжать нужно в семь. Ладно, справимся. А там как? — он открыл ей дверь, и в его жесте читалась уже привычная забота.

— Там... интересно, — сказала Лена, садясь в машину. — Есть один не очень дружелюбный коллега. И, представляешь, я встретила Давида. Помнишь, того, что с нами учился? Тот, что всё по физике и химии выигрывал?

— Нейрохирург Давид? — удивился Питер, заводя двигатель. — Да, слышал, он здесь звезда. Значит, не одна будешь. Есть хоть один адекватный человек.

Он говорил это так, будто это было для него самым важным — чтобы у неё был кто-то свой, кто мог бы поддержать.

По дороге домой Лена рассказывала о больнице, о главном хирурге, о предстоящем графике. Питер слушал, кивал, задавал уточняющие вопросы. И в этот момент она осознала странную вещь: ему это было искренне интересно. Не из вежливости, а потому что её успех стал и его делом.

— Завтра твой первый день, — сказал он, когда они зашли в квартиру. — Нужно всё подготовить. Форму, обувь... Что у тебя с белыми халатами?

— Алекс сказал, что всё будет ждать на месте, — ответила Лена, снимая туфли. — Мне нужно только прийти.

— Ладно. Тогда... я приготовлю ужин. Что-нибудь сыт-

ное, но лёгкое. Чтобы ты выпалась.

Он уже направлялся на кухню, но она остановила его.

— Питер.

— М?

— Спасибо. За сегодня. За то, что был там. Это... очень помогло.

Он обернулся, и в его глазах мелькнуло что-то мягкое, почти нежное.

— Не за что. Это я должен тебе спасибо говорить. Каждый день

Тыловая база.

Вечер прошёл в спокойных, почти домашних хлопотах. Питер действительно приготовил ужин — рыбу с овощами, простую, но вкусную. Они говорили о будущем, о её работе, о его планах по наведению порядка в делах компании. Разговор не был наполнен пустыми мечтами, это был практический, пошаговый план.

Легли спать рано. Питер, вопреки привычке, не засиделся у телевизора. Он тоже рано ушёл в свою комнату. Он снова спал у себя, но теперь это было его личное пространство, а не камера.

Лена лежала в темноте и думала. О работе. О вызове. О враждебном Марке и дружелюбном Давиде. И о том человеке за стенкой, который теперь беспокоился о времени её подъёма больше, чем она сама.

Её миссия по спасению алкоголика давно трансформировалась. Она превратилась в совместный проект по спасению двух жизней. И, возможно, именно в этой взаимности, в этой хрупкой, но прочной связи и заключалось настоящее лечение. Для них обоих.

Утро встретило Питера снова сигаретой и чашкой кофе на балконе, ритуал. Он встал до будильника, до рассвета, просто не мог унять волнение. Хотелось, чтобы у Лены всё полу-

чилось на работе, хотелось в этом как-то поучаствовать. После зарядки мужчина неспешно собрал в контейнер самый красивый кусочек вчерашней рыбки, налил в термос чай с мёдом, который помогает при стрессе. Он не думал что это действительно сильно помогает, но Лена всегда это говорила. Сложил в аккуратную сумку, которую купил после парикмахерской, совершенно случайно и потому что так захотелось, с особой педантичностью собранные угощения. Положил сверху несколько шоколадных конфет, именно тех которые они вместе купили в первый день и стал ждать.

Ровно в шесть утра сонная Лена вышла из своей спальни и отправилась в ванную, а Питер тут же приступил к завтраку, чтобы все было свежее и тёплое.

Лена вышла из ванной, уже одетая в простую, удобную одежду для поездки, с ещё влажными волосами. Запах свежесваренной овсянки с ягодами и тостами встретил её на кухне. Питер, стоя у плиты, выглядел подозрительно собранным и бодрым для шести утра.

— Ты что, вообще не спал? — удивлённо спросила она, садясь за стол.

— Спал, — отозвался он, ставя перед ней тарелку. — Просто встал пораньше. Надо же было успеть собрать тебя на подвиги.

Он говорил это лёгким, почти шутливым тоном, но в его движениях читалась та же сосредоточенность, что и вчера перед её собеседованием. Лена съела завтрак под его при-

стальным наблюдением, чувствуя себя немного глупо от такой опеки, но и тайно радуясь ей.

— Ладно, я готова, — сказала она, вставая.

— Минуточку, — Питер исчез в прихожей и вернулся с той самой стильной сумкой-шоппером. — Вот. На первый день.

Она взяла сумку, заглянула внутрь. Увидела аккуратно упакованный ланч-бокс, термос, конфеты, пару энергетических батончиков и... маленькую, смешную игрушку-антистресс в виде мозжечка.

— Это что? — она достала мозжечок, не сдерживая улыбки.

— Сувенир. Чтобы помнила, с кем имеешь дело. И не слишком серьёзничала, — он смущённо потёр шею. — Ну, и... на удачу.

Лена сжала резиновый мозжечок в руке, и странное тепло разлилось по груди.

— Спасибо. Это... очень мило.

— Не за что. Просто... возвращайся целой. Ну, и не очень уставшей, — он отвернулся, притворяясь, что проверяет, выключена ли плита, на самом деле, чтобы спрятать смущение. — Машина ждёт.

Дорога до больницы прошла в приятном, спокойном молчании. Лена держала в руке тот самый мозжечок, перекачивая его в пальцах. Это глупое, детское действие почему-то успокаивало.

У въезда на территорию больницы Питер остановил машину.

— Ладно, солдат. Вперёд и с песней. Я... я буду ждать здесь вечером. В шесть. Точно.

— Ты же не будешь сидеть здесь весь день? — ужаснулась Лена.

— Конечно нет! — он фыркнул. — У меня свои дела. Но к шести — я здесь. Договорились?

Он смотрел на неё с таким выражением, будто от этого зависела его жизнь.

— Договорились, — кивнула Лена.

Она вышла из машины, взяв свою сумку с провизией и мозжечком. Сделала несколько шагов и обернулась. Он всё ещё сидел за рулём, наблюдая за ней. Она помахала рукой. Он коротко моргнул фарами в ответ.

Первый день был, как и ожидалось, калейдоскопом новых лиц, процедур, протоколов. Марк, молодой хирург, продолжал бросать колкие замечания, но Лена, вспомнив совет Давида и сжав в кармане халата резиновый мозжечок, игнорировала его с ледяным спокойствием. В перерыве она обнаружила в своей каморке записку от Давида: «Держись. Заходи в нейрохирургию на кофе, когда будет время». И это тоже придавало сил.

В обеденный перерыв она открыла ланч-бокс. Аккуратно нарезанная рыба, овощи, зерновой хлеб. И записка, написан-

ная знакомым, уже более твёрдым почерком: «Не забывай есть. И дышать. П.».

Она улыбнулась, почувствовав прилив нежности. Он заботился. По-настоящему. Не потому что должен, а потому что хотел.

День пролетел в водовороте. К концу смены Лена чувствовала приятную, профессиональную усталость. Она вышла из больницы ровно в шесть и сразу увидела знакомую машину, припаркованную на том же месте. Питер вышел из неё, опершись на дверцу. Он выглядел... уставшим, но спокойным.

— Ну как? — спросил он, когда она подошла.

— Выжила, — ответила она, и в её голосе прозвучало удовлетворение. — И даже кое-что полезное сделала. А ты? Как твой день?

Он открыл ей дверь.

— Без бутылки, — просто сказал он, садясь за руль. — И это, считай, успех

По дороге домой он расспрашивал её о деталях, и она рассказывала — о коллегах, о первом осмотре пациентов, о смешном случае в ординаторской. Она заметила, как его лицо озаряется, когда она говорит о своих, даже маленьких, успехах.

Дома он настоял, чтобы она отдыхала, пока он готовит ужин. Лена сидела на диване, всё ещё переполненная впечатлениями, и смотрела, как он двигается по кухне. Он делал что-то простое — пасту с соусом. Его движения были

уверенными, без прежней дрожи.

В этот момент она поняла что-то очень важное. Она не просто «осталась, чтобы его долечить». Она осталась, потому что хотела видеть, как этот человек возвращается к жизни. Хотела быть частью этого возвращения. И этот «проект» приносил ей не только чувство долга, но и глубокую, тихую радость. Ту самую, которую она потеряла, увидев руины своей старой квартиры и узнав о болезни отца. И теперь, в этой чужой, но ставшей такой родной квартире, рядом с этим сложным, сломанным, но отчаянно пытающимся человеком, она по кусочкам собирала не только его, но и себя. И, возможно, это новое «я» было крепче и настояще всего, что было у неё раньше.

— Сегодня я поеду на работу, — сообщил Питер на следующий день на светофоре.

Утренний ритуал был такой же, сигарета, кофе, зарядка, сбор обеда для Лены и завтрак. И сейчас сидя в машине, Питеру вдруг захотелось поделиться планами.

— В рабочем чате писали, что на стройке опять какие-то проблемы, я пообещал с этим разобраться.

— Ты молодец, — девушка улыбнулась стараясь этой своей улыбкой подбодрить мужчину.

— Пока ещё нет, — уклончиво сказал Питер, — Я же ещё ничего не сделал, даже сделал, я все также ищу предлог, чтобы не приходить в офис. Вот буду сегодня в поле работать, а

потом пойду на встречу с психологом.

Лена внимательно посмотрела на него. Она знала эту уловку — уйти от прямого столкновения с офисной средой, заменив её «полевой работой», которая, хоть и была делом, но позволяла избежать главного: встречи с собственным прошлым статусом и оценкой со стороны коллег.

— С работой на объекте — хорошо, — сказала она осторожно. — Это реальная польза. Но, Питер... избегать офиса — это как ходить вокруг глубокой лужи, боясь в неё упасть. Рано или поздно её придётся перейти. Или ты решишь, что строительная компания может управляться исключительно с полевого ноутбука в машине?

Он хмуро смотрел на дорогу.

— Я не избегаю. Я... стратегически отступаю. Чтобы набраться сил.

— Силы набираются в бою, — мягко, но настойчиво парировала она. — Ты вчера отлично справился с моим первым рабочим днём. Был моей тыловой базой. Сегодня твоя очередь выходить на передовую. Хоть на пару часов. Поздоровайся с секретаршами. Зайди в свой кабинет. Посиди там десять минут. Просто посиди. Чтобы комната перестала быть призраком из прошлого и снова стала просто комнатой.

Питер медленно выдохнул. Он знал, что она права. Этот офис, его бывший кабинет, были для него не просто помещением. Они были материальным воплощением его провала, его бегства.

— Десять минут, — сдался он. — Только зайти. И всё.

— И всё, — согласилась Лена. — А потом — на объект, на реальную работу. И к психологу. Это и будет твой настоящий рабочий день.

Он кивнул. Когда они подъехали к больнице, он, прежде чем она вышла, сказал:

— Спасибо.

— За что?

— За то, что не даёшь врать самому себе. Даже когда это неприятно.

Она улыбнулась, взяла свою сумку с обедом и мозжечком и вышла. На прощание обернулась:

— В десять минут верю. Держи меня в курсе.

Питер смотрел, как она скрывается за дверями, и почувствовал странную смесь страха и решимости. Он направил машину не к стройке, а в центр города, к стеклянной башне, где располагался головной офис «Строй-Вектора».

Парковка у здания казалась ему полем битвы. Он глубоко вздохнул, вспомнил её слова: «Просто посиди», и вошёл внутрь.

В холле его узнали сразу. Удивлённые взгляды, сдержанные кивки. Он не стал ждать лифта, поднялся по лестнице на свой этаж — лишняя физическая нагрузка как способ справиться с адреналином.

Дверь в его кабинет была закрыта. Он достал ключ, Алекс вернул ему комплект, и открыл. Внутри было чисто, пыльно

и пусто. Стол, кресло, книжные полки, на которых до сих пор стояли его старые папки и пара книг по архитектуре. Ничего личного. Как в гостиничном номере после выезда.

Он сел в кресло. Оно было чужим. Он положил руки на стол, чувствуя, как сердце бешено колотится. Просидел так минуту, пять. Вспоминал, как здесь когда-то кипела работа, как он сам отдавал распоряжения, спорил с подрядчиками по телефону. Теперь была тишина.

Ровно через десять минут он встал. Не было катарсиса, не было озарения. Было лишь понимание, что эта комната — просто комната. А его власть над ней и страх перед ней — были в его голове.

Он вышел, кивнул остолбеневшему от его появления заму главного инженера, и сказал: «Я на объекте у въезда. Все вопросы туда». И ушёл.

На стройке работа закипела. Были реальные проблемы, которые нужно было решать на месте. И он решал. Звонил поставщикам, согласовывал, ругался. Чувствовал усталость, но и азарт.

Перед визитом к психологу он заехал домой, чтобы переодеться. На столе в прихожей лежала записка от Лены, оставленная, видимо, утром: «10 минут. Горжусь тобой. Не сомневалась».

Он улыбнулся, прижал записку к груди. Эти простые слова значили для него больше, чем любые дипломы.

Сеанс у психолога был тяжёлым. Они разбирали его

утренний «штурм» офиса. Психолог спросил: «Что вы почувствовали, сидя в том кресле?»

— Ничего, — честно ответил Питер. — Абсолютную пустоту. Как будто смотришь на чужую жизнь.

— А это хорошо. Значит, вы не цепляетесь за прошлый статус как за оправдание. Вы видите его со стороны. Теперь можно строить что-то новое. Не «возвращаться в кресло босса», а... создавать новую роль. Например, «специалиста по решению проблем на местах». Звучит менее пафосно, но более реалистично.

Питер вышел от него с чувством, что с него сняли ещё один пласт ненужного груза. Он не должен был соответствовать призраку прошлого. Он мог быть просто собой. Теми, кто решает проблемы на стройке и терпеливо ждёт под больницей, чтобы отвезти домой уставшего хирурга.

Вечером, забирая Лену, он не стал рассказывать всё в деталях. Просто сказал:

— Был в офисе. Посидел. Как и договаривались. Потом был на стройке. Всё более-менее улажено. Психолог сказал... что я на правильном пути.

Лена смотрела на его профиль, освещённый огнями города. Он выглядел спокойным. Не счастливым, нет. Но цельным. И в этом была огромная разница.

— Я знала, что справишься, — тихо сказала она.

— Потому что у меня есть ты, — ответил он, не глядя на неё, словно произнося вслух простой, неоспоримый факт. —

Моя личная система наведения и тыловая база.

Они ехали домой, и в машине пахло не страхом и отчаянием, а просто вечером, дорогой и... надеждой. Хрупкой, как первый лёд, но уже способной выдержать их вес.

Чтобы быть привлекательным.

Работа у двоих постепенно налаживалась, утренние ритуалы соблюдались. Молодой хирург всё же признал Лёну, после тяжелой совместной операции, в его глазах появилось уважение и какой-то личный интерес. Питер уже не боялся офиса и спокойно в нём находился, но не всё время, делая перерывы на выезды на стройку или просто бесцельному катанию по городу. После нескольких таких поездок цель все же была найдена, удобный спортивный зал, как раз недалеко от работы Лёны, утренняя зарядка уже не казалась сложной, хотелось какой-то физической нагрузки, чтобы мышцы оформились, чтобы сбрасывать напряжение моральное физическими нагрузками. — И может тогда я буду более привлекательным? — неожиданная мысль ударила в голову не хуже алкоголя, Питер замер, зачем ему казаться привлекательным? Для кого? Конечно было ясно для кого, но признаться самому себе не хотелось. Увлёкшись в один из дней в зале Питер чуть не прошляпил время, когда нужно было забрать Лёну, однако успел во время. Приехал как раз в тот момент когда девушка выходила из больницы. — Что это на тебе? — Лёна улыбнулась осматривая Питера, в спортивной форме, с запахом пота и забавным ободком который держал его волосы. — Да так, ерунда, — Питер засмутился стаскивая с себя девчачий атрибут, он находил его очень удоб-

ным в последние несколько дней, волосы не лезли в глаз при наклонах, но то что она видела его таким... — Ерунда? — Лена не смогла сдержать лёгкий смешок, садясь в машину. Воздух внутри пах теперь не только его привычным одеколоном, но и здоровым запахом пота и хлопка. — Выглядишь... профессионально. Как будто только что с тренировки олимпийских чемпионов. — Ну, до чемпионов мне как до Луны, — пробурчал он, пряча ободок в бардачок, но уголки его губ дрогнули в улыбке. — Просто... нашёл зал рядом. Решил попробовать. Чтобы... — он запнулся, — чтобы ноги после зарядки не так болели. Он лгал, и они оба это знали. Но Лена не стала придираться. Вместо этого она заметила, как изменилось его тело даже за эти пару недель регулярных тренировок: плечи стали шире, осанка прямее, а то измождённое напряжение в лице сменилось здоровой усталостью. — Это хорошая идея, — одобрительно кивнула она. — Физическая нагрузка — отличный антидепрессант. И... да, тебе идёт. Последнюю фразу она произнесла чуть тише, будто невзначай, глядя в окно. Питер резко посмотрел на неё, но она уже отвернулась, разглядывая вечерний город. В груди у него что-то ёкнуло — тёплое и тревожное одновременно. — Спасибо, — пробормотал он, включая передачу. — А как твой день? Марк уже перестал язвить? — Не совсем, — вздохнула Лена. — Но сегодня он принёс мне кофе. После той операции. Сказал: «Признаю, у тебя твёрдая рука». Так что прогресс налицо. — Кофе? — в голосе Питера нежиз-

данно прозвучали нотки ревности, которые он тут же попытался заглушить покашливанием. — Ну, это... хорошо. Значит, признал. — Признал профессионала, — поправила Лена, но в её голосе сквозила лёгкая усмешка. Она уловила эту ревность и, к своему удивлению, не разозлилась, а, наоборот, испытала что-то вроде удовлетворения. — А ещё Давид пригласил нас с тобой на ужин в пятницу. Сказал, хочет познакомиться с человеком, который сумел вытащить меня из провинции. Питер чуть не врезался в машину впереди. — Нас? Меня? — Ну да, — она пожала плечами. — Я сказала, что живу с другом, который помогает мне с адаптацией. Он захотел познакомиться. Если ты, конечно, не против. Можешь отказаться. «Живу с другом». Фраза была нейтральной, но от неё у Питера похолодели пальцы на руле. «Друг». Не врач, не надзиратель, не спаситель. Друг. Это было и правдой, и в то же время — чудовищным упрощением всего того, что происходило между ними. — Я... я не против, — наконец выдавил он. — Просто... я не очень в последнее время в светских тусовках. — Это не тусовка. Это ужин с Давидом и его женой. Всё будет спокойно. И... — она снова посмотрела на него, и её взгляд стал мягче, — я буду рядом. Эти слова подействовали на него как бальзам. «Я буду рядом». Теперь это была его мантра, его якорь. Вечером, пока Лена готовила ужин, Питер стоял в дверях кухни и смотрел на неё. Она что-то напевала под нос, её движения были плавными и уверенными. Он ловил себя на мысли, что хочет запомнить этот

момент. Этот простой, бытовой момент, в котором не было ни драм, ни срывов, только тихое, совместное существование. — О чём думаешь? — спросила она, почувствовав его взгляд. — О том, что... я, наверное, никогда не смогу отблагодарить тебя за всё, что ты для меня сделала. Лена повернулась к нему, держа в руке половник. — Ты уже благодаришь. Каждый день. Тем, что не пьёшь. Тем, что встаёшь и делаешь зарядку. Тем, что едешь на работу и даже в спортзал ходишь. Это — лучшая благодарность. Видеть, как ты живешь. Они стояли друг напротив друга, разделённые всего парой шагов, и в воздухе повисло что-то невысказанное. Что-то большое и пугающее, что росло между ними с каждым днём. — Лена, я... — начал Питер, но слова застряли в горле. Он боялся. Боялся разрушить этот хрупкий баланс, это чудесное, нечто новое. — Знаю, — тихо сказала она, как будто действительно понимала то, чего он не договаривал. — Иди, накрывай на стол. Суп остывает. Он повиновался, чувствуя, как сердце бешено стучит. «Знаю». Что она знала? И чего он сам так боялся признаться? Позже, лёжа в темноте, он думал об этом. О её улыбке, когда она увидела его в спортивной форме. О её словах «я буду рядом». О том, как её присутствие стало для него не необходимостью, а... потребностью. Самой насущной. Он встал, прошёл в гостиную и взял со стола тот самый резиновый мозжечок. Сжал его в ладони. Глупая игрушка. Но символ. Символ его заботы, и её веры в него. «Чтобы быть более привлекательным», — сно-

ва пронеслось в голове. Не только внешне. А вообще. Чтобы быть человеком, достойным стоять рядом с ней. Не как пациент с врачом, не как объект спасательной операции. А как... Он не решился закончить эту мысль. Но твёрдо решил одно: завтра он снова пойдёт в спортзал. И послезавтра. И будет становиться сильнее. Не для неё. Для себя. Но с мыслью о ней. Потому что она стала его самым главным «зачем». И это «зачем» было сильнее любого «почему», которое когда-то гнало его на дно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.